ДАНИЭЛА
СТИЛ
Отзвуки эха

Даниэла Стил
Отзвуки эха

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6448058
Даниэла Стил. Отзвуки эха: Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66782-6

Аннотация

Любовь пришла к ним как сияющее летнее утро в горах, только что сбросившее туманы тихой ночи. Она наполнила жизнь влюбленных новым смыслом. Поэтому не по годам серьезная и рассудительная девушка из Германии Беата Витгенштейн в тяжелое военное время последовала за возлюбленным – французским офицером Антуаном де Валлераном. Их чувству предстоит пройти проверку разлукой, ложью и ревностью и отозваться в сердцах потомков долгим нежным эхом.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 23
Глава 4 35
Глава 5 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Даниэла Стил
Отзвуки эха

Моим любимым и бесконечно дорогим детям, каждый из которых представляет собой целый мир.

Беатрикс, Тревор, Тод, Ник, Сэм, Виктория, Ванесса, Макс и Зара. Пусть отзвуки эха вашего прошлого, настоящего и будущего всегда останутся добрыми и нежными.

Со всей любовью

Мама.

Каким-то чудом я не отказалась от большинства своих идеалов. Они кажутся такими абсурдными и непрактичными. И все же я цепляюсь за них, ибо, несмотря ни на что, продолжаю верить, что глубоко в душе каждый человек добр.

Анна Франк

Тот, кто спасает одну жизнь, спасает целый мир.

Талмуд

Глава 1

Стоял безмятежный летний день. Беата Витгенштейн вместе с родителями прогуливалась по берегу Женевского озера. Солнце припекало, воздух был неподвижен, тишина нарушалась только птичьим щебетом и стрекотом цикад. Беата задумчиво плелась позади родителей. Это лето семья Витгенштейн проводила в Женеве. Беате недавно исполнилось двадцать, ее сестра Бригитта была на три года моложе. Прошло чуть больше года с начала Первой мировой войны, и на этот раз отец решил увезти семью на отдых в Швейцарию, подальше от Германии. Подходил к концу август тысяча девятьсот пятнадцатого, и отец только что провел с ними целый месяц. Оба его сына были в армии, но им удалось выхлопотать недельный отпуск, чтобы повидаться с родными. Хорст в свои двадцать три был всего лишь лейтенантом и служил в штабе дивизии в Мюнхене. Зато Ульм недавно получил чин капитана сто пятого пехотного полка, входившего в тридцатую дивизию Четвертой армии. На ту неделю, когда он был в Женеве, пришелся его день рождения – ему исполнилось двадцать семь.

То, что семье удалось собраться вместе в такое время, было настоящим чудом. Война, словно гигантский Молох, без устали пожирала молодых немцев, и Беата, ее мать и сестра день и ночь тревожились за Хорста и Ульма. Отец продолжал твердить, что все это скоро кончится, но, судя по его разговорам с братьями, которые удалось подслушать Беате, дело обстояло совсем иначе. Очевидно, мужчины куда лучше женщин были осведомлены о тяжелых временах, которые ожидали население Европы. Мать Беаты никогда не заговаривала с дочерьми о войне, Бригитту же больше всего расстраивало отсутствие подходящих кавалеров, с которыми она так любила флиртовать. Правда, совсем недавно она влюбилась в одного из университетских друзей Хорста, и Беата сильно подозревала, что ее красивая младшая сестричка обручится уже этой зимой.

У самой Беаты не было подобных намерений или устремлений. В семье она была самой тихой, прилежной и серьезной; ее куда больше интересовали занятия, чем молодые люди. Ее отец любил повторять, что Беата – идеальная дочь. Они и поссорились-то всего один раз, когда вслед за братьями Беата попыталась настоять на поступлении в университет, что отцу

казалось вздором и глупостью. И хотя сам он был человеком образованным, однако считал, что женщинам вовсе не так уж необходим университетский диплом. Он объяснил дочери, что она, несомненно, скоро выйдет замуж и посвятит свою жизнь мужу и детям. Поэтому университет ей ни к чему, и он ничего подобного не позволит.

В отличие от Беаты братья и их друзья были людьми шумными, веселыми и беззаботными, а сестра – хорошенькой и кокетливой. Беата всегда чувствовала себя не похожей на них, словно невидимой стеной отделенной от остальных своим спокойным характером и страстью к учебе. В другом, более совершенном мире она хотела бы стать учительницей, но когда высказывала свои желания вслух, братья и сестра смеялись над ней. Бригитта заявляла, что только девушки из бедных семей становятся учительницами или гувернантками, а братья добавляли, что о подобной карьере мечтают исключительно уродки.

Они любили поддразнивать Беату, хотя она не была ни бедной, ни дурнушкой. Ее отец владел и управлял одним из самых крупных банков в Кельне, где они и жили в большом, солидном доме, расположенном в районе Фитценграбен. Моника, мать Беаты, славилась в городе не только красотой, но и своими драгоценностями, а также умением одеваться. Подобно старшей дочери, она была женщиной спокойной и тихой. В семнадцать лет Моника вышла за Якоба Витгенштейна и была счастлива с ним все последующие двадцать восемь лет брака.

Брак был устроен их семьями и оказался на редкость удачным. Их союз был слиянием двух немалых состояний, которые Якоб сумел значительно увеличить. Он правил банком железной рукой и считался в среде банкиров едва ли не ясновидящим. Будущее – не только Витгенштейнов, но и их наследников – было обеспечено. Все в жизни этой семьи было солидным и основательным. Единственным непредсказуемым элементом было то самое беспокойство, что терзало не только немцев, но и всю Европу. Война была предметом каждодневной тревоги, особенно для Моники, отдавшей армии обоих сыновей. Поэтому отдых в Швейцарии немного отвлек от постоянных переживаний как родителей, так и детей.

Нарушив многолетнюю традицию проводить лето в Германии, на морском побережье, Якоб решил увезти семью из страны на июль и август. Он даже поговорил с одним из генералов, с которым был знаком домами, и осторожно попросил об огромном одолжении: устроить недельный отпуск сыновьям. Генерал все сделал без лишнего шума. Витгенштейны были редким исключением в немецком обществе: евреи, обладавшие не только огромным богатством, но и исключительной властью. Беата знала это, но положение семьи не имело для нее почти никакого значения. Учеба интересовала ее куда больше. В то время как Бригитта иногда жаловалась на ограничения, налагаемые их верой, Беата радовала отца и своей глубокой, однако никогда не выставляемой напоказ религиозностью. В молодости Якоб шокировал свою семью, высказав желание стать раввином. Но его отец сумел образумить сына, убедив трудиться в семейном банке вместе с отцом, братьями, дядями, как когда-то его дед. Их семья свято чтила традиции, и хотя отец Якоба с большим уважением относился к своей вере, он все же не собирался приносить сына в жертву религии. И Якоб как послушный сын стал работать в банке, а вскоре после этого женился. Недавно ему исполнилось пятьдесят. Жена была пятью годами моложе.

Вся семья соглашалась, что идея провести лето в Швейцарии была просто гениальной. Здесь у Витгенштейнов было много друзей, и Якоб с Моникой и детьми посещали множество вечеринок, балов и театральных представлений. Зная всех и каждого в банковской общине, Якоб часто ездил в Лозанну и Цюрих, чтобы повидаться с тамошними знакомыми. По возможности в эти поездки он брал с собой дочерей. Пока Хорст и Ульм были здесь, они старались проводить с родителями как можно больше времени. Ульму предстояло уехать на фронт, а Хорст возвращался в мюнхенскую штаб-квартиру. Похоже, свою службу он рассматривал как некое очередное развлечение. Несмотря на полученные воспитание и образо-

вание, Хорст вполне мог быть назван повесой. С Бригиттой у него было куда больше общего, чем с Беатой.

Беата продолжала неторопливо идти, погруженная в собственные мысли. Очнулась она лишь тогда, когда отставший от остальных Ульм взял ее под руку. Он всегда оберегал сестру, возможно, потому, что был на семь лет старше. Беата знала, как ценит брат ее мягкий характер и доброту.

– О чем ты думаешь, Беа? Выглядишь ужасно серьезной и одинокой. Почему бы нам не прибавить шагу? Давай догоним наших.

Мать и сестра ушли далеко вперед, щебеча о модах и мужчинах, которых Бригитта находила интересными: она завела немало новых знакомых на здешних вечеринках. Мужчины толковали на две единственные темы, которые принимали близко к сердцу: война и банковское дело. До войны Ульм четыре года проработал в банке и собирался снова заняться семейным бизнесом, когда в Европе воцарится мир. Отец твердил, что и Хорсту пора бросить карты, остепениться и начать работать в банке. Хорст клятвенно пообещал, что, как только война закончится, он выполнит все отцовские требования. Кроме того, Якоб несколько раз намекал, что Ульму пора жениться. Главное, чего он ожидал от детей как членов своей семьи, так это безусловного повиновения. Жена в этом отношении ни разу его не разочаровала. Впрочем, и дети тоже, если не считать Хорста, который ловко уклонялся от службы в банке, пока не пришло время идти в армию. О женитьбе он даже не думал. Собственно говоря, из всех детей Якоба одна лишь Бригитта мечтала поскорее выскочить замуж. Беата еще не встретила мужчину, который покорил бы ее сердце. Беда в том, что многих молодых людей своего круга она находила красивыми, но глупыми, а те, что постарше, немного ее пугали и нередко казались чересчур мрачными. Она не спешила обзавестись женихом и не скрывала от матери и сестры своей надежды на то, что ее муж будет ученым, а вовсе не банкиром. Но высказать это отцу Беата, разумеется, не могла. Бригитта же утверждала, что подобные мечты – скука смертная. Тот друг Хорста, отпрыск богатой семьи банкира, на которого она обратила внимание, был столь же легкомысленным, как и она сама. Якоб намеревался не позже сентября поговорить с отцом молодого человека, хотя Бригитта ничего об этом не знала. А Беата редко заговаривала с кем-то на вечеринках, которые исправно посещала вместе с родителями, всегда безупречно одетая в выбранные матерью туалеты. Беата была неизменно учтива с хозяевами и облегченно вздыхала, когда наступало время возвращаться домой, в отличие от Бригитты, которую приходилось уводить силой, так как она считала, что уходить еще рано и что ее семейка невыносимо скучна, а родители чрезмерно строги. Хорст всегда соглашался с ней и старался тянуть время.

Беата и Ульм покорно шли за родителями.

– Ты хотя бы повеселилась этим летом? – тихо спросил Ульм у Беаты. Он был единственным, кто серьезно беседовал с ней, допытываясь, о чем она думает. Хорст и Бригитта были слишком заняты собой и развлечениями, чтобы тратить время на умные разговоры с сестрой.

– Да, – кивнула Беата с застенчивой улыбкой. Хотя Хорст и был ее братом, девушку не переставали удивлять его внешность и доброта. Он был человеком мягким, спокойным и как две капли воды походил на отца в молодости – высокий блондин спортивного сложения. Его голубые глаза и светлые волосы часто сбивали с толку незнакомых людей, потому что Хорст совсем не был похож на еврея. Разумеется, в Кельне ни для кого это не было тайной, но принимали Витгенштейнов в самых аристократических кругах. Некоторые члены семейств Гогенлоэ были школьными друзьями отца. Витгенштейны были так уважаемы и известны, что для них гостеприимно распахивались все двери. Но Якоб ясно дал понять детям, что судьбу следует связывать исключительно с единоверцами. Собственно говоря, это даже не было предметом обсуждения, никто из детей и не подумал бы оспаривать мнение отца. Вит-

генштейнов везде принимали с распростертыми объятиями, но и в их кругу было немало достойных молодых мужчин и женщин. Недостатка в женихах и невестах не было.

Посторонний никогда не посчитал бы Ульма и Беату родственниками. Братья и сестра Беаты удались в отца, такие же высокие и белокурые. Словно по контрасту с ними, Беата походила на мать: миниатюрная, хрупкая, тоненькая брюнетка, с волосами цвета воронова крыла и фарфорово-белой кожей. Единственное, что она унаследовала от отца, – огромные голубые глаза, оттенком темнее, чем у братьев или Бригитты. Глаза матери были темно-карими, но если не считать этого небольшого различия, Беата была ее копией, чем втайне восторгался отец. Он и после двадцати восьми лет брака был по-прежнему влюблен в свою жену, а улыбка Беаты напоминала ему о той семнадцатилетней девочке, на которой он когда-то женился. И это сходство неизменно трогало его. Поэтому отец обожал Беату, и Бригитта часто жаловалась, что он больше любит старшую сестру и позволяет ей все. Правда, желания Беаты были достаточно скромными, а вот планы Бригитты оказывались куда более рискованными. Беата охотно оставалась дома, читала или занималась. Отец единственный раз рассердился на дочь, застав ее за чтением английского перевода Библии.

– Это еще зачем? – строго спросил он, увидев, что читает шестнадцатилетняя Беата. В то время она увлеклась христианским учением и прочла почти весь Ветхий Завет.

– Но это так интересно, папа! Каждая история – просто шедевр, и многое совпадает с нашей верой. Оказывается, у нас много общего с христианами!

Правда, втайне она предпочитала Новый Завет, но отец посчитал все это не столь уж безобидным и вскоре отобрал у дочери Библию. Он не желал, чтобы она читала подобные книги, и посоветовал Монике получше следить за Беатой. Дело в том, что девушка превратилась в настоящего книжного червя, она проглатывала все, что только смогла достать, включая труды Аристотеля и Платона. Ее увлекли греческие философы, и даже отец был вынужден признать, что, родись Беата мужчиной, она могла бы стать выдающимся ученым. Но сейчас Якоб желал, чтобы Беата поскорее вышла замуж, а Ульм нашел себе невесту. Однако время шло, за Беатой никто не ухаживал, и Якоб уже начинал побаиваться, что она останется старой девой. Ее серьезность и любовь к учебе отнюдь не способствовали успеху в обществе. Он сам собирался кое-что предпринять этой зимой, но война все расстроила. Так много мужчин забрали в армию, так много знакомых молодых людей погибли за последний год. Ненадежность будущего тревожила.

Якоб считал, что Беате нужен не слишком молодой муж, человек зрелый, который мог бы оценить ее интеллект и разделить интересы. Такого же неплохо бы найти и для Бригитты, нуждавшейся в твердой руке. Хотя Якоб любил всех своих детей, старшей дочерью он гордился безмерно. Себя он считал человеком мудрым и сострадательным, к кому можно без колебаний обратиться за помощью. Беата глубоко любила и уважала и своего отца, и свою мать, хотя не могла не признать, что с матерью ей легче и свободнее разговаривать, – она не так подавляет, как отец.

Якоб, не менее серьезный, чем Беата, не одобрял легкомыслия младшей дочери.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты не возвращался на фронт, – грустно взглянула на брата Беата. Остальные успели повернуть назад, и теперь они с Ульмом оказались намного впереди них.

– Мне тоже страшно думать об этом, но, надеюсь, все скоро закончится, – ободряюще улыбнулся Ульм, хотя сам не верил своим словам. Но подобные вещи было принято говорить женщинам, по крайней мере он так всегда считал.

– Я смогу получить очередной отпуск не раньше Рождества, – добавил он. Беата кивнула, хотя до Рождества оставалась еще целая вечность, а ей была непереносима сама мысль о том, какой ужас их ждет, если что-то с Ульмом случится. Она обожала старшего брата, хотя никогда не признавалась в этом. Хорста Беата тоже любила, но он казался ей глупеньким

юнцом, любившим дразнить и неизменно смешившим ее. А вот отношения с Ульмом были совсем иными.

По дороге в отель они продолжали болтать ни о чем, а потом их ждал последний ужин перед возвращением мальчиков в армию. Хорст, как всегда, развлекал родных тем, что пародировал всех встреченных сегодня знакомых и рассказывал невероятные истории об их друзьях.

Наутро все мужчины уехали, а женщины остались в Женеве еще на три недели. Якоб хотел, чтобы они оставались в Швейцарии как можно дольше, хотя Бригитте уже становилось скучно. Зато Беата и Моника были вполне довольны здешней жизнью.

Как-то днем Бригитта с матерью отправились за покупками, а Беата осталась в отеле, сославшись на головную боль. Говоря по правде, она была совершенно здорова, но уж очень не любила ездить по магазинам. Бригитта же, наоборот, всегда старалась перемерить все, что попадалось на глаза, заказывала платья, шляпки и туфли. Мать, пораженная ее безупречным вкусом и чувством стиля, потакала дочери. Окончательно изведя портных, сапожников и перчаточников, они отправлялись к ювелирам. Беата, зная, что они задержатся до самого ужина, отправилась в сад, где устроилась с книгой на солнышке, довольная покоем и одиночеством.

После обеда она отправилась к озеру и выбрала ту дорогу, по которой они гуляли накануне. Сегодня на Беате были белое шелковое платье, широкополая шляпа от солнца и светло-голубая шаль под цвет глаз. Шагая по тропинке, она что-то тихо напевала. Большинство постояльцев отеля еще обедали или уехали в город, так что вокруг не было ни души. Девушка медленно брела, задумчиво опустив голову и думая о братьях. Она немного растерялась, когда мимо бодрым шагом прошел высокий молодой человек и на ходу улыбнулся ей. От неожиданности Беата резко отступила в сторону, споткнулась, подвернула ногу и охнула от боли. Молодой человек проворно протянул руку и, поймав пошатнувшуюся Беату, удержал ее от падения.

– Прошу, простите меня, пожалуйста! Меньше всего я хотел вас напугать, а уж тем более сбить с ног, – извинился он, по-видимому, искренне встревоженный, и Беата отметила его поразительную красоту. Высокий, светловолосый, с такими же, как у нее глазами, сильными руками и мускулистыми плечами, он показался ей неотразимым.

Принося извинения, молодой человек продолжал удерживать ее. Беата вдруг сообразила, что шляпа ее слегка сбилась набок, и поспешно поправила ее, искоса поглядывая на незнакомца. Ей показалось, что он чуть старше Ульма. Белые брюки, темно-синий пиджак, светло-синий галстук и дорогая соломенная шляпа, придававшая ему несколько залихватский вид…

– Спасибо, но ничего страшного не случилось. Как глупо с моей стороны! Я не слышала ваших шагов, иначе уступила бы дорогу.

– И не видели меня, пока я едва не сбил вас с ног. Боюсь, это было крайне невежливо с моей стороны. Вы можете идти? Как ваша нога? – сочувственно осведомился молодой человек.

– Почти не больно. Вы вовремя успели подхватить меня.

Он говорил по-французски, и она отвечала на том же языке, поскольку учила французский в школе и с тех пор успела его еще усовершенствовать. Отец настоял, чтобы дети учили английский, он хотел также, чтобы они говорили на итальянском и испанском. Беата послушно уселась за учебники, но знанием двух последних языков не блистала. Да и ее английский в отличие от французского был всего лишь сносным.

– Не хотите ли присесть? – вежливо спросил незнакомец, указывая на ближайшую скамью, откуда открывался прекрасный вид на озеро. Руки Беаты он так и не выпустил, словно

опасался, что, если перестанет ее удерживать, она немедленно осядет на землю. Девушка улыбнулась ему:

– Не беспокойтесь, со мной уже все в порядке.

Но ей вдруг ужасно захотелось посидеть с ним несколько минут. Подобные вещи были не в ее правилах, мало того, она никогда бы не отважилась на такое. Но молодой человек был так учтив и доброжелателен, так сожалел о своем невольном проступке, что Беате стало его жаль. И в конце концов, что плохого, если она посидит и поболтает с ним, прежде чем продолжить прогулку? В отеле ее никто не ждет, мать с сестрой вернутся еще не скоро.

Беата позволила подвести себя к скамье и усадить. Молодой человек устроился на почтительном расстоянии от нее.

– Нога в самом деле не болит? – допытывался он, разглядывая ее ногу, прикрытую подолом юбки, и удовлетворенно кивнул, увидев, что щиколотка с виду выглядит нормально.

– Даю слово, – подтвердила Беата.

– Я хотел всего лишь пробежать мимо, не потревожив вас. Мне следовало бы сказать что-то или предупредить вас, но в тот момент я был за тысячи миль отсюда, размышляя о чертовой войне. Ведь все это так ужасно! – горячо воскликнул собеседник Беаты, качая головой.

Девушка продолжала украдкой наблюдать за ним. Она еще никогда не встречала никого, похожего на этого человека. Он казался ей прекрасным принцем из волшебной сказки и был на удивление дружелюбен. Никакого высокомерия или претенциозности. Совсем как кто-нибудь из друзей Ульма, но куда красивее.

– Значит, вы не швейцарец? – оживилась она.

– Француз, – коротко пояснил он. Беата нахмурилась и ничего не ответила.

– Это так ужасно? – удивился молодой человек. – Мой дед, отец матери, швейцарец, поэтому я и приехал сюда. Дед умер две недели назад, и мне надо было помочь брату и родителям уладить дела с наследством. Командование специально предоставило мне отпуск.

Он вел себя исключительно просто и естественно, ухитряясь при этом не допустить фамильярности. Беата посчитала его чрезвычайно воспитанным, вежливым и утонченно-аристократичным.

– Нет, совсем не ужасно, – честно ответила она, глядя ему в глаза. – Просто я – немка.

Подсознательно она почти ожидала, что он немедленно вскочит и поклянется в вечной ненависти к немцам. Что ни говори, а они в этой войне – враги, находящиеся по разные стороны фронта, и трудно было предвидеть, как незнакомец отреагирует на ее признание.

– Ожидаете, что я буду винить в этой войне вас? – мягко спросил он, улыбнувшись. Эта молодая девушка была ослепительно красива, и ее извиняющийся тон и умоляющий взгляд тронули его. Похоже, судьба уготовила ему встречу с необыкновенной женщиной, и молодой человек вдруг обрадовался, что едва не сбил ее с ног.

– Или, может, это вы разожгли мировую войну, мадемуазель? И тогда мне следует сердиться на вас? – смеясь, поддразнил он, и Беата тоже засмеялась.

– Надеюсь, что нет. А вы? Вы в армии? – осведомилась она, вспомнив, что он упоминал об отпуске.

– В кавалерии. Я учился в кавалерийской академии в Сомюре.

Беата знала, что именно в этом весьма престижном учебном заведении молодые аристократы обучаются верховой езде.

– Это, должно быть, интересно!

Она любила лошадей и в детстве много ездила верхом вместе с братьями, особенно с Ульмом. Хорст всегда впадал в неистовство и буквально загонял своего коня, пугая того, на котором выезжала Беата.

– Мои братья тоже в армии.

Молодой человек долго задумчиво смотрел на нее, безнадежно затерявшись в голубых глазах, чуть более темных, чем его собственные. Какой поразительный контраст темных волос и белоснежной кожи! Сейчас девушка походила на удивительно изящный портрет.

– Как было бы чудесно, если бы все разногласия между народами разрешались так легко! Просто люди сели бы на скамью и мирно поговорили, любуясь озером. Можно было бы все спокойно обсудить и прийти к соглашению, и тогда молодые люди не погибали бы на поле битвы, – вздохнул он.

Девушка свела брови, вспомнив о братьях. Они ведь тоже могли погибнуть каждую минуту.

– Вы правы. Но мой старший брат считает, что скоро все закончится.

– Жаль, что не могу с ним согласиться, – вежливо проговорил молодой человек. – Но боюсь, когда оружие попадает в руки мужчин, они так легко с ним не расстаются. Думаю, это может тянуться годами.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – выдохнула Беата.

– Я тоже от души на это надеюсь, – кивнул ее собеседник и, густо покраснев, смущенно добавил:

– Я невероятно невоспитан и совершенно забываю о правилах приличия. Я Антуан де Валлеран.

Он встал, поклонился и снова сел.

– А я Беата Витгенштейн.

– Как получилось, что вы так хорошо говорите по-французски? – спросил он. – Ваш французский почти безупречен. Ни малейшего акцента. Мало того, у вас парижский выговор.

Он никогда бы не посчитал ее немкой! Антуан с первого взгляда был очарован этой девушкой, но, даже услышав ее имя, не придал этому никакого значения. В отличие от большинства людей его круга, да и общества в целом, подобные вещи были ему безразличны. Антуан никогда о них не задумывался и сейчас видел перед собой только прекрасную, образованную молодую женщину.

– Я учила французский в школе, – объяснила Беата.

– И наверняка не только в школе, а если и так, значит, вы очень способный человек. Я учил в школе английский, по крайней мере так считалось, и все же не знаю ни одного слова. А мой немецкий – просто кошмар. У меня, как почти у всех французов, нет способностей к языкам. Знаем только свой, а на большее нас не хватает. Мы просто полагаем, что весь мир обязан знать французский, чтобы говорить с нами. Какая удача, что вы говорите на моем языке! И на английском тоже?

Антуан подозревал, что и английским дело не ограничилось. Хотя они не знакомы и с первого взгляда видно, как застенчива девушка, все же держится она на удивление непринужденно и, похоже, действительно неглупа.

Сама Беата втайне поражалась своему поведению. Ей так хорошо с ним, словно они знакомы сто лет! Она редко чувствовала себя в полной безопасности с совершенно посторонними людьми.

– Я говорю по-английски, – призналась она, – хотя не так хорошо, как по-французски.

– Вы еще не окончили школу?

Тридцатидвухлетнему Антуану она казалась совсем юной. Он был на двенадцать лет старше Беаты.

– Нет, я уже окончила, – смущенно ответила она. – Но много читаю и хотела поступать в университет, только отец не позволил.

– Но почему? – удивился Антуан. – А, понял. Он считает, что вам следует выйти замуж и воспитывать детей. Женщине образование ни к чему. Я прав?

– Да, абсолютно, – улыбнулась Беата.

– А вы не хотите выходить замуж, – продолжал Антуан, все больше напоминая ей Ульма. В его присутствии Беата чувствовала себя как в компании старого друга, с которым можно быть совершенно откровенной. И это она, обычно так стесняющаяся мужчин!

– Я не хочу выходить замуж без любви, – просто ответила она, и Антуан согласно кивнул.

– Звучит разумно. А ваши родители? Как они относятся к этой идее?

– Пока не знаю. Их брак устраивали семьи, и они считают, что это единственно правильный путь. Мама и папа хотят, чтобы мои братья поскорее женились.

– А сколько лет вашим братьям?

– Двадцать три и двадцать семь. Старший очень серьезный, младший – полегкомысленнее и немного разболтан, – ответила она, сдержанно улыбаясь Антуану.

– Совсем как мой брат и я.

– А сколько ему?

– На пять лет младше меня. Ему двадцать семь, как вашему старшему брату, а я – тридцатидвухлетний старичок. Родители уже потеряли надежду на мою женитьбу.

До этого момента сам он тоже не особенно думал об этом.

– А какой вы?

Антуан непонимающе уставился на девушку, не сразу сообразив, о чем она спрашивает.

– Ах да. В нашей семье буян и забияка – именно он. А я скучный и правильный, – начал он и тут же осекся. – Простите, это не намек на то, что ваш брат скучный и правильный. Просто серьезный, полагаю. Я всегда выполнял свой долг в отличие от брата. Он слишком занят развлечениями, чтобы думать о долге. Хотя, возможно, он прав. Но я гораздо спокойнее.

– И вы не женаты? – поинтересовалась Беата, думая о том, насколько странна эта случайная встреча. Они задавали друг другу вопросы, на которые никогда не осмелились бы в бальном зале или на званом ужине. Но здесь, сидя на скамейке, глядя на озеро, она почему-то сочла себя вправе спрашивать о чем угодно. Ей все было интересно. Несмотря на поразительную внешность, в Антуане чувствовалось нечто крайне порядочное, честное и чистое. Конечно, внешность может быть обманчива, и он вполне способен оказаться лживым негодяем, но Беата почему-то была уверена в обратном. Впитывая каждое его слово, она подспудно ощущала, что и он испытывает к ней то же самое.

– Нет, я не женат, – весело подтвердил он. – Разок-другой подумывал было, но всегда что-то останавливало, несмотря на упорные настояния родных: старший сын, и все такое. Не хочется делать непоправимую ошибку и жениться на совершенно неподходящей женщине. Предпочитаю оставаться холостяком.

– Полностью с вами согласна, – решительно кивнула Беата. Временами она казалась почти ребенком, однако, слушая ее, Антуан понимал, что у этой хрупкой, худенькой девушки успели сложиться вполне определенные жизненные принципы – и насчет замужества, и относительно образования.

– А что бы вы изучали, поступив в университет? – с искренним интересом спросил Антуан.

Беата мечтательно вздохнула.

– Философию. Древних греков. Возможно, религию или философию религии. Однажды я прочла Библию. С начала до конца.

Антуан взглянул на нее с уважением. Редкая драгоценность: сочетание ума, изящества и красоты. И с ней так легко говорить обо всем.

– И что вы о ней думаете? Я читал лишь отдельные главы и отрывки, да и то в основном на свадьбах и похоронах. Большую часть жизни мне приходится проводить в седле или помогать отцу управлять поместьями. У меня бесконечный роман с землей.

Антуану трудно было объяснить, как много значат для него земли и лошади. Это у него в крови.

– Наверное, как почти у всех мужчин, – тихо заметила Беата. – А где поместья вашей семьи?

Ей очень не хотелось, чтобы их встреча закончилась. Поэтому она старалась задавать побольше вопросов.

– В Дордони. Страна лошадей. Между Перигором и Бордо, если эти названия о чем-то вам говорят.

– Никогда там не была, но, должно быть, прекрасная местность, если вы так ее любите.

– Прекрасная, – заверил Антуан. – А вы где живете?

– В Кельне.

– Я там был, – с довольным видом объявил он. – Очень люблю Баварию и прекрасно проводил время в Берлине.

– Именно там мечтает жить мой брат Хорст. В Берлине. После войны ему придется работать с отцом, в семейном банке. Бедняга ненавидит все, что связано с финансами, но выхода у него нет. Мой дед, отец, все дяди и мой брат Ульм работают в банке. Конечно, веселого тут мало, но им, похоже, такая работа по душе. Возможно, это и интересно, – оживленно тараторила Беата, и Антуан невольно улыбнулся. Эта пичужка так и бурлит новыми необычными идеями и интересом к окружающему миру. Глядя на нее, Антуан был уверен, что, поступи она в университет или на работу в банк, ей удавалось бы все на свете. Подумать только, так молода, а уже успела прочитать всю Библию!

– А чем вам нравится заниматься? – продолжал допытываться он.

– Люблю читать и учиться. Узнавать новости об открытиях в науке. Я бы хотела стать писателем, но разумеется, и этого мне не позволят.

Вряд ли мужчина, за которого она выйдет замуж, допустит такое в своем доме. Наверняка потребует, чтобы она заботилась только о нем и детях.

– Может, и станете. Когда-нибудь. Полагаю, все зависит от того, кто именно станет вашим мужем и выйдете ли вы замуж вообще. Кстати, у вас есть сестры или только братья?

– Младшая сестра, Бригитта. Ей только семнадцать. Очень любит вечеринки, танцы, наряды и не может дождаться, когда выскочит замуж. Вечно твердит, какая я скучная зануда, – лукаво улыбнулась Беата. Антуану ужасно захотелось обнять ее, хотя они даже не были представлены друг другу по всем правилам. Какое счастье, что он едва не сбил ее с ног! Неизвестно почему, но он был уверен, что Беата думает о том же.

– Мой брат тоже считает меня занудой. Но должен сказать, ваша сестра ошибается. Вы кто угодно, только не зануда. И мне так нравится разговаривать с вами.

– Мне тоже, – смущенно потупилась Беата, гадая, не пора ли ей возвращаться в отель. Они провели вместе довольно много времени, вероятно, дольше, чем следовало.

Они еще посидели и помолчали, любуясь озером, прежде чем Антуан снова обратился к ней:

– Хотите, я провожу вас в отель? Ваши родные, должно быть, уже волнуются.

– Мама повезла сестру за покупками. Вряд ли они вернутся до ужина, но вы правы, нужно идти.

Молодые люди неохотно встали. Антуан снова спросил, не болит ли у Беаты нога, и успокоился, услышав, что все в порядке. Но все же предложил ей руку, и они, весело болтая обо всем на свете, направились в отель. Вскоре выяснилось, что оба ненавидят вечеринки в целом, но любят танцевать. Антуан обрадовался, узнав, что Беата обожает лошадей и охоти-

лась с гончими. Оба любили греблю и питали страсть к морю. Беата клялась, что в жизни не страдала от морской болезни, чему Антуан никак не хотел верить. Зато она призналась, что боится собак, потому что в детстве ее укусила собака. И оба согласились, что нет на свете страны лучше Италии, хотя Антуан заверил, что и Германия ему тоже по душе. Правда, в настоящий момент признать это было трудно.

Но и война, и тот факт, что страны, в которых они родились, стали смертельными врагами, казалось, не имели для молодых людей особого значения. Сейчас они старались получше узнать друг друга, и ничего более важного для них не существовало.

Антуану ужасно не хотелось покидать Беату, хотя сегодня вечером он собирался поужинать с родными. Он мечтал подольше побыть с ней и, когда они подошли к отелю, не спешил прощаться.

– Не хотите ли выпить чая? – предложил наконец Антуан, и глаза Беаты радостно вспыхнули.

– С удовольствием, спасибо.

Он повел ее к веранде, где подавали чай и за столиками сидели элегантные женщины, преуспевающие мужчины и влюбленные парочки: пили чай, лакомились крошечными сандвичами и тихо разговаривали на французском, английском, итальянском и немецком.

Чинно, с соблюдением всех церемоний молодые люди выпили чай и наконец, не находя больше предлогов задержаться, Антуан проводил Беату в вестибюль отеля и долго стоял, глядя на нее. Такая маленькая и нежная, и в то же время, проведя с ней несколько часов, он понял, насколько она сильна духом и более чем полна решимости защищать свое мнение. У нее обо всем было свое мнение, в большинстве случаев совпадавшее с его собственным. А если и нет… что же, это только забавляло его. Он находил Беату невероятно волнующей и ослепительно прекрасной. И хотел одного: снова ее увидеть.

– Как вы полагаете, ваша матушка не будет против, если я приглашу вас завтра на ленч? – с надеждой спросил Антуан, умирая от желания и не смея коснуться ее руки. Но больше всего ему хотелось дотронуться до ее щеки. Ощутить мягкость белоснежной кожи.

– Не уверена, – честно призналась Беата. Очень трудно будет объяснить ей, как они встретились и почему провели столько времени вместе, наедине. Но пока что ничего страшного не произошло, а Антуан был неизменно вежлив и, очевидно, из хорошей семьи. У родителей нет причин возражать, если не считать того факта, что он француз, а это вряд ли может служить достойной характеристикой. Но в конце концов, это Швейцария! Это совсем не то, что познакомиться с ним дома. И если даже их страны воюют, это еще не значит, что Антуан – плохой человек. Однако Беата не была уверена, что мать с ней согласится. Скорее наоборот: не согласится ни за что, поскольку ее братья воюют и их в любой момент могут убить. Ее родители были истинными патриотами и, как Беата хорошо знала, отнюдь не славились широтой взглядов. Беата также понимала, что и женихом Антуана сочтут неподходящим, потому что он не еврей. Но пока что об этом беспокоиться рано.

– Возможно, ваши мать и сестра тоже захотят присоединиться к нам? – с надеждой спросил Антуан, не собираясь сдаваться. Война в этот момент казалась ему незначительным препятствием. Беата была слишком необыкновенной, чтобы терять ее из-за подобных пустяков.

– Я спрошу маму, – тихо пообещала Беата. На самом деле она собиралась сделать больше: бороться, как тигрица, за то, чтобы вновь увидеть его, и боялась, что именно это ей и придется сделать. Потому что, по мнению матери, у него два огромных недостатка: национальность и вера.

– Может, лучше мне самому навестить вашу матушку и спросить ее? – озабоченно предложил Антуан.

– Нет, я сама, – покачала головой Беата. Они вдруг стали союзниками в безмолвном заговоре. Оба стремились продолжить столь внезапно начавшуюся дружбу. Беате казалось, что Антуан вовсе не флиртует с ней. Но возможно, они смогут быть друзьями. О большем она не смела мечтать.

– Могу я зайти к вам вечером? – нервно спросил он, и она назвала ему номер комнаты, где жила вместе с сестрой Бригиттой.

– Сегодня мы ужинаем в отеле.

Редкий случай.

– Мы тоже, – удивился Антуан. – Надеюсь, мы увидимся, и я смогу представиться вашей матушке и сестре. Но… что мы скажем им? Как мы познакомились?

Их случайная встреча была счастливой, но недостаточно пристойной, а долгая беседа – необычной, чтобы не сказать больше.

Беата рассмеялась:

– Скажу, что вы сначала сбили меня, а потом подняли.

– Уверен, это произведет на вашу матушку незабываемое впечатление. Живо опишете, как я толкнул вас в грязь или всего лишь бросил в озеро, чтобы отмыть после падения?

Беата хохотала, как ребенок, и Антуан ощущал себя бесконечно счастливым.

– Это было бы глупо! Лучше объяснить ей, что я вовремя подхватил вас, удержав от падения, хотя сначала действительно пытался подставить вам ножку.

Но Антуан уже не жалел об этом. Его неловкость сослужила ему хорошую службу.

– А вообще-то вы могли бы заверить свою матушку, что я представился вам по всем правилам.

– Возможно, я так и сделаю, – начала Беата, но тут же прикусила губу и с искренней тревогой уставилась на него, смущенная тем, что собиралась предложить.

– Как вы полагаете, будет ужасно, если мы скажем, что вы швейцарец?

Антуан поколебался, прежде чем кивнуть. Разумеется, его национальность может послужить камнем преткновения, по крайней мере Беата этого боялась. Но настоящая проблема заключалась в том, что Антуан – французский аристократ, а не еврей. Правда, этого Беата говорить ему не собиралась, втайне лелея несбыточную мечту, что, поскольку они всего лишь собираются остаться друзьями, мать не будет слишком противиться. Да и что такого особенного в том, чтобы иметь друзей-христиан? Среди близких знакомых ее родителей таких немало. Именно этот аргумент Беата собиралась использовать в споре с матерью, если та будет возражать против совместного ленча.

– В конце концов, я на четверть швейцарец. Главное – не проговориться и ни за что не упоминать о Франции, иначе выдам себя с головой. И если вы считаете, что так будет лучше, я готов назваться швейцарцем. Но какой стыд, что приходится скрывать собственную национальность!

Правда и то, что его семья была бы в ужасе, узнав о знакомстве Антуана с немкой и, хуже того, о его безумном увлечении Беатой. В эти дни между Германией и Францией не было ничего, кроме ненависти. Но Антуан никак не мог смириться с тем, что они с Беатой должны за это расплачиваться.

– Все будет хорошо, Беата, обещаю, – мягко сказал он, глядя в огромные голубые глаза. – Только не волнуйтесь.

Он не позволит никому и ничему встать между ними. А она… она чувствовала себя в полной безопасности и под надежной защитой. Они были почти не знакомы. И все же она поняла, что может доверять ему. Нечто необыкновенное и чудесное случилось между ними сегодня.

– Мы обязательно должны вечером увидеться, – прошептал Антуан, когда Беата вошла в лифт. И пока лифтер закрывал двери, она еще успела ему улыбнуться.

Беата поднималась наверх, отчетливо сознавая, что всего за один день жизнь необратимо изменилась.

Антуан, весело напевая, вышел на улицу.

Глава 2

К своей величайшей досаде, Беата оказалась не готова к реакции матери, услышавшей о приглашении Антуана на ленч. Беата объяснила, что они встретились в отеле, когда пришли на чай, немного поговорили, и Антуан предложил устроить совместный ленч. У нее не хватило храбрости добавить, что сначала Антуан пригласил ее одну: мать и так задохнулась от ужаса.

– С незнакомым человеком? Беата, ты в своем уме?! Ты совсем его не знаешь! Как ты повела себя, что он посмел пригласить тебя на ленч? – с подозрением допрашивала мать. Она оставила Беату одну всего на несколько часов, и этого оказалось достаточно, чтобы дочь завела разговор с незнакомым человеком! А ведь на нее это не похоже. Он наверняка авантюрист, завлекающий молоденьких девушек и с этой целью слоняющийся вокруг отеля!

Моника Витгенштейн была далеко не так наивна, как ее дочь, и страшно испугалась, не делал ли этот мужчина Беате нескромных предложений. Хуже всего, что Беата, похоже, находила его привлекательным, и это лишний раз доказывало матери ее отчаянную неопытность. Бедняжка еще совсем ребенок!

Монике с трудом верилось в добрые намерения Антуана, и потому она была склонна преувеличивать.

– Я всего лишь пила чай на веранде, – расстроенно бросила Беата. Все шло совсем не так, как было ею задумано, и теперь она не знала, что сказать Антуану.

– Мы поговорили немного… так, ни о чем. Он был очень вежлив.

– Сколько ему лет? И что он делает здесь, вместо того чтобы воевать?

– Он швейцарец, – натянуто произнесла Беата. Ну вот, она и решилась. Беата в отличие от Бригитты никогда не лгала матери. До сегодняшнего дня. Это было впервые. Но Антуан достоин любого риска и любого наказания… если ее разоблачат. Всего за один день он сумел завоевать не только ее преданность, но и сердце.

– Почему он не работает? Почему слоняется по отелю?

Моника была твердо убеждена, что все порядочные люди должны работать. У них нет времени распивать чаи по отелям и флиртовать с молодыми девушками.

– Он здесь в гостях, как и мы. Приехал навестить родных, потому что совсем недавно умер его дед.

– Сочувствую, – сухо обронила Моника, – и допускаю, что он вполне приличный человек, но все же мы совершенно его не знаем. И никто из наших знакомых нам его не представил, поэтому ни о каком ленче не может быть и речи.

И, словно вспомнив что-то, спросила:

– Кстати, как его зовут?

– Антуан де Валлеран.

Взгляды матери и дочери встретились и скрестились. Надолго.

Моника вдруг задалась вопросом: уж не встречалась ли Беата с этим человеком раньше?

Но она никогда не замечала в дочери ничего двуличного. Просто она слишком молода, неопытна и наивна.

– Он аристократ, – укоризненно заметила мать.

Абсолютно ясно, что он совершенно не подходит для ее дочерей, даже будь он при этом королем! Есть границы, которые переходить нельзя.

Беата понимала, о чем думает мать. Для этого слова не нужны. Они евреи, а Антуан нет.

– Разве быть аристократом – преступление? – съязвила Беата, но глаза ее были печальны, что еще больше встревожило мать.

– Ты когда-нибудь встречалась с ним раньше? – спросила она.

Девушка покачала головой. Но тут в комнату влетела Бригитта с охапкой покупок. Она прекрасно провела время в магазинах, хотя считала, что до войны в Кельне выбор был лучше. Но постоянные нехватки, связанные с военным положением, действовали ей на нервы. Как приятно хотя бы немного отдохнуть от всего этого!

– А как он выглядит? – немедленно заинтересовалась она, рассматривая черную замшевую сумочку и пару чудесных белых лайковых перчаток до локтя. – Очень красив?

– Не в этом дело, – отмахнулась Беата. – Просто он показался мне славным человеком. Он всего лишь пригласил нас троих на ленч, что, по-моему, очень вежливо и любезно с его стороны.

– А почему он это сделал, как ты думаешь? – неодобрительно нахмурилась мать. – Потому что умирает от желания познакомиться со мной и Бригиттой? Разумеется, нет. Он хочет провести время с тобой. Сколько этому человеку лет?

Очевидно, ее подозрения еще больше усилились.

– Не знаю. Может, ровесник Ульма.

На самом деле он был на пять лет старше брата. Третья ложь. И все для того, чтобы защитить их и уберечь только что завязавшуюся дружбу. Но ради Антуана можно и солгать. Беата хотела увидеть его снова, пусть даже в присутствии матери и сестры. Всего лишь немного побыть с ним. Кто знает, где и когда они снова встретятся?

– Он слишком стар для тебя, – отрезала мать, хотя вовсе не возраст был причиной ее возражений. Высказывать правду дочери она не собиралась. И не хотела заострять внимание на приглашении незнакомца. Лучше спустить все на тормозах.

Однако Беата и без того все понимала. Антуан не был евреем, и Моника не собиралась разрешать дочерям встречаться с красивыми молодыми христианами. Якоб попросту убьет ее за такое попустительство, а она привыкла во всем соглашаться с мужем, так что нет смысла позволить этому новому знакомству развиться в нечто более значительное. Не хватало еще поощрять швейцарского аристократа в ухаживаниях за дочерью! Сама эта мысль – настоящее безумие. Да, среди их друзей есть христиане, но Моника никогда бы не посмотрела на их сыновей как на женихов для своих дочек. Зачем искушать девочек тем, чего они никогда не смогут получить! И как бы ни были красивы Беата и Бригитта, ни одна ее приятельница-христианка не предложила познакомить их со своим сыном. В этом случае, как и во всех остальных, старшие лучше знали, как поступать, и Моника оставалась тверда и непоколебима. Иначе страшно подумать, что сделал бы Якоб.

– Не понимаю, что, по-твоему, может случиться за ленчем? – жалобно спросила Беата. – В конце концов, он не убийца.

– Откуда ты знаешь? – сурово отчеканила мать. Ей было совсем не смешно, тем более что Беата вела себя как-то странно. Она просто была не похожа на себя. Впрочем… она точно так же боролась за то, во что верила или чего страстно желала. Но нет, это всего лишь упрямство, тем более что она совсем не знает этого человека. И если это будет зависеть от Моники, никогда и не узнает. Лучше немедленно пресечь эти глупости, пока дело не зашло дальше. Моника прекрасно понимала, что Якоб ожидал от нее как от матери его детей именно этого. Однако теперь стало ясно, что пора искать мужа Беате. Если уж молодые аристократы кружат около нее как стервятники, пора девочке обзаводиться домом, пока не начались неприятности.

Свободомыслие никого не доводило до добра, хотя обычно Беата прекрасно себя вела, делая честь своим родителям. Поэтому Моника решила по возвращении немедленно поговорить с Якобом. Она знала, что у мужа имеются на примете двое-трое уважаемых, порядочных людей, включая и владельца конкурирующего банка. Правда, по возрасту он мог бы быть отцом Беаты, но Моника, как всегда, была согласна с мужем, что умный, состоятельный

мужчина лучше подойдет их старшей дочери. Для своих лет она была чересчур серьезной, а молодые люди таких не слишком любят. Но какими бы прекрасными качествами ни обладал потенциальный жених, главным и определяющим фактором в глазах родителей является его вера. А человек, носящий имя Антуан де Валлеран, не только христианин, но скорее всего католик. Хорошо еще, что он не француз, а швейцарец!

За последний год, с самого объявления войны, Моника воспылала неукротимой ненавистью к французам. Это они сидят в окопах, готовые убить ее сыновей.

Беата больше не стала спорить с матерью. Мало того, одеваясь вместе с Бригиттой к ужину, она не произнесла ни слова. Но сестра не собиралась и дальше оставаться в неведении.

– Так что у тебя с ним было на самом деле? – спросила она с таинственным видом, красуясь перед зеркалом в одном атласном белье персикового цвета, отороченном кремовыми кружевами, купленном ей сегодня матерью. И хотя Моника находила фасон несколько вызывающим, но посчитала возможным побаловать дочь. Так или иначе, белье все равно никто не увидит, кроме нее и Беаты.

– Он поцеловал тебя?

– Ты с ума сошла! – возмутилась Беата. – Кто я, по-твоему?! Кроме того, это порядочный человек. Просто он схватил меня за руку и не дал упасть, когда по неловкости едва не сбил с ног.

– Это так вы встретились? – заинтересовалась Бригитта. – До чего романтично! Но почему ты не рассказала маме? Ей следовало бы быть благодарной, что он не дал тебе покалечиться!

– Сомневаюсь, – спокойно ответила Беата. Она знала и оценивала мотивы матери лучше, чем Бригитта, которая все еще была склонна к ребяческим истерикам и бурным скандалам, что никак не соответствовало характеру Беаты.

– Мне показалось, что куда безопаснее сказать, будто мы познакомились за чаем.

– Может быть, ты и права. Так ты упала прямо в грязь? Как это, должно быть, стыдно, – заметила Бригитта, натягивая белое полотняное платье и расчесывая длинные золотистые локоны. Беата с завистью разглядывала сестру. Бригитта была так красива, что напоминала ангела с картины. Рядом с ней Беата казалась себе серой мышкой; она ненавидела свои черные волосы. Нет, она не питала неприязни к сестре, просто ей очень хотелось больше походить на нее. Да и фигура Бригитты была пышнее – не то что у худенькой, миниатюрной Беаты. Рядом с сестрой она выглядела маленькой девочкой! И Бригитта, похоже, лучше разбиралась в мужчинах. Она разговаривала с ними чаще, чем Беата, обожала поддразнивать их и сводить с ума. Беата чувствовала себя легко и непринужденно в женском обществе, Бригитта же флиртовала направо и налево и в свои семнадцать лет на редкость умело терзала мужчин.

– Ни в какую грязь я не падала, – пояснила Беата. – Говорю же, он вовремя меня подхватил.

– Очень мило с его стороны. И что он еще сделал?

– Ничего. Мы просто разговаривали, – буркнула Беата, надевая красное шелковое платье, выгодно оттенявшее резкий контраст волос и цвета кожи. Вид у нее был самый мрачный. Придется при встрече сказать Антуану, что она не сможет с ним встречаться. Теперь она окончательно поняла, что ни в коем случае не сумеет уговорить Монику согласиться на ленч в обществе Антуана. О свиданиях наедине, разумеется, не могло быть и речи.

– И о чем же вы беседовали?

– Философия, Библия, его земли, поступление в университет – все в этом роде. Он очень симпатичный.

– О господи, Беата! – ахнула Бригитта, глядя на сестру с нескрываемым волнением, присущим только семнадцатилетним девушкам. – Ты что, влюблена?

– Конечно, нет! Я совсем его не знаю! Просто приятно было поговорить.

– Тебе не следует беседовать с мужчинами на подобные темы! Они этого не любят. И посчитают тебя странной и синим чулком, – с самыми лучшими намерениями предупредила ее сестра, чем еще больше расстроила Беату.

– А я и есть странная. И не интересуюсь… – Она старалась найти нужные слова, чтобы не обидеть Бригитту. – Меня не интересуют легкие темы! Только серьезные. Например, древние греки.

– Постарайся обсуждать что-то попроще. Вроде вечеринок, мод и драгоценностей. Именно это хотят слышать мужчины. Иначе они вообразят, что ты умнее их, и ты отпугнешь всех поклонников, – предсказала мудрая не по годам Бригитта, руководствуясь скорее инстинктом, чем опытом.

– Возможно, ты права, – коротко обронила сестра.

Впрочем, ей было абсолютно все равно. Большинство ее знакомых по вечеринкам казались ей просто нелепыми. И хотя Беата любила брата, она скорее умерла бы, чем стала женой человека, подобного Хорсту. Она еще могла бы представить рядом с собой кого-то вроде Ульма, однако перспектива замужества с человеком ее круга мало привлекала девушку. Все мужчины были либо скучны, либо утомительны, а зачастую глупы и поверхностны. Антуан же казался совершенно иным: серьезнее и глубже всех ее знакомых, а также более искренним и честным. Беата никогда еще не испытывала ничего подобного к мужчине после нескольких часов знакомства. Правда, это вряд ли к чему-то приведет. К тому же она и понятия не имела, что он чувствует к ней. Она не обладала интуицией младшей сестры и совершенно не разбиралась в мужчинах. Бригитта мгновенно разъяснила бы Беате, что Антуан с ума по ней сходит, но она не видела их вместе. Правда, на ее взгляд, между сестрой и незнакомцем что-то происходило, а приглашение на ленч было хорошим признаком, но она ничего не сказала Беате. Старшая сестра, похоже, была не в настроении обсуждать эту тему.

Пока девушки спускались в лифте, Беата молчала.

Вечер был теплый, и мать попросила столик на веранде. Она успела переодеться в очень элегантное темно-синее платье из тяжелого шелка – с сапфировым колье, шелковыми туфлями и сумочкой в тон. С мочек ушей свисали серьги с бриллиантами и сапфирами.

Официант усадил трех ослепительно красивых женщин за столик и с поклоном подал меню. Беата по-прежнему молчала и после того, как ужин был заказан, хотя мать и Бригитта весело трещали о сегодняшних покупках. Моника сказала Беате, что видела несколько платьев, сшитых словно специально для нее, но дочь даже глаз не подняла.

– Какая жалость, что нельзя одеваться в книги, – поддела Бригитта, – тогда бы ты чаще посещала магазины.

– Предпочитаю сама шить себе платья, – коротко ответила Беата.

Сестра выразительно закатила глаза.

– Зачем столько хлопот, когда все можно купить?

– Просто в этом случае у меня будет именно то, чего хочу я, – спокойно объяснила Беата. Она действительно своими руками сшила то красное платье, которое сейчас было на ней, и оно идеально облегало фигуру, ниспадая до пола простыми, строгими складками.

Беата была талантливой портнихой и с детства любила шить. Ее научила гувернантка, хотя Моника всегда твердила, что все это совершенно ни к чему и никогда не понадобится ее дочерям. Но Беата настояла на своем. Она даже сшила несколько вечерних платьев, скопировав фасоны из модных журналов и пользуясь зарисовками, сделанными во время демонстрации парижских коллекций, которые теперь ей долго не придется видеть. Обычно Беата немного упрощала и изменяла покрой, чтобы он более соответствовал ее вкусам. Однажды

она сшила изумительное вечернее платье из зеленого атласа в подарок матери, и Моника была потрясена ее искусством. Беата и Бригитте бы сшила что-нибудь, но та всегда утверждала, что ненавидит домашнее рукоделие. Подобные вещи казались ей жалкой дешевкой. Правда, иногда Беата шила сестре атласное белье с кружевом всех цветов радуги, которое та любила.

Они как раз доедали суп, когда Беата увидела, что мать потрясенно уставилась куда-то ей за спину. Девушка с удивлением обернулась. За ее стулом стоял приветливо улыбавшийся Антуан.

– Мадам Витгенштейн? – вежливо осведомился он, игнорируя обеих девушек, даже ту, которая завладела его мыслями, и явно восхищаясь Моникой. – Прошу прощения за то, что помешал вам, но я хотел представиться и извиниться за то, что пригласил вашу дочь на чай. Этого не следовало делать, но она споткнулась, когда шла к озеру, и едва не упала. Мне показалось, что она сильно подвернула ногу, и я подумал, что чай ей не помешает. Пожалуйста, простите меня.

– Нет… я… ничего страшного… конечно… как вы добры… – заикаясь, пробормотала Моника, поспешно переводя взгляд с дочери на Антуана. Тот представился, учтиво поклонился и поцеловал ее руку. Поскольку Беата была не замужем, этикет воспрещал целовать ей руку, и Антуан всего лишь поклонился. Молодые немцы щелкали при этом каблуками. Но у французов и швейцарцев подобные жесты были не в обычае.

– Я не знала, что она повредила ногу, – смущенно пояснила Моника, но Антуан уже обратил взгляд на Беату, и у него перехватило дыхание. В своем красном платье она была столь ослепительна, что, увидев ее на другом конце комнаты, он не смог устоять, извинился перед матерью и подошел к их столику.

Представить Монику матери Антуан не осмелился, зная, чем это грозит, тем более что Беата выдала его за швейцарца. Оставалось самому познакомиться с яркой блондинкой Бригиттой, ошеломленно смотревшей на него. Но Антуан едва взглянул на сестру Беаты, справедливо посчитав ее совсем еще ребенком, а не женщиной, которой та жаждала казаться, – и заслужил этим одобрение Моники. Ничего не скажешь, манеры Антуана были безупречны. Очевидно, он человек порядочный и отнюдь не проходимец, как она опасалась.

– Как ваша нога, мадемуазель? – участливо осведомился Антуан.

– Спасибо, месье, все хорошо. Вы так любезны, – пролепетала Беата, краснея.

– Вовсе нет. Это самое малое, что я мог сделать для вас… – возразил он и вновь обратился к ее матери, повторив приглашение на ленч, что, как ни странно, весьма польстило Монике. Он был так учтив, так бесхитростно чистосердечен и добр, что она неожиданно для себя против воли согласилась, и они решили завтра же, в час дня, встретиться на веранде. Договорившись обо всем, Антуан снова поклонился, поцеловал Монике руку и удалился, не бросив ни единого тоскующего взгляда на Беату. Вел он себя настолько сдержанно и благородно, что после его ухода Моника с нескрываемым изумлением уставилась на дочь.

– Теперь я понимаю, чем он тебя привлек. Очень приятный молодой человек. Напоминает мне Ульма.

Из уст матери это было нешуточным комплиментом.

– И мне тоже.

Только Антуан был куда красивее, но этого Беата не сказала и продолжала спокойно разрезать мясо, молясь, чтобы никто не услышал стука ее сердца. Как ему это удалось? Просто поразительно! Впрочем, какая разница? Все равно их отношения ничем не могут закончиться. Но она по крайней мере хотя бы увидится с ним еще раз и навсегда сохранит в душе счастливые воспоминания о молодом красавце, которого встретила в Женеве. Беата была совершенно уверена, что все остальные мужчины, которых ей еще предстоит узнать, померкнут в сравнении с ним. Она уже смирилась с этим и живо представила судьбу старой девы,

которую ей придется влачить до конца жизни. Самым непростительным грехом Антуана была его национальность. Он не еврей, и это главное, не говоря уже о том, что он и не швейцарец. Нет, все абсолютно безнадежно.

– Почему ты не сказала, что подвернула ногу? – встревоженно спросила мать.

– Ничего особенного. Он нечаянно толкнул меня, когда я подходила к веранде после прогулки у озера. Видимо, он чувствовал себя виноватым передо мной, но я всего лишь слегка споткнулась.

– В таком случае с его стороны было очень любезно пригласить тебя на чай, а нас – на ленч.

Беата поняла, что мать тоже подпала под обаяние Антуана. Да и трудно было бы остаться равнодушной. Антуан был так красив, так добр, и Беата втайне радовалась, что он не обратил внимания на Бригитту. Все остальные мужчины мгновенно падали к ногам сестры, но на Антуана ее чары не подействовали. Он был заворожен Беатой, хотя ничем этого не показывал, вел себя дружелюбно, но и только, – поэтому-то Моника и приняла его приглашение.

Беата больше не заговаривала об Антуане и даже не посмотрела в его сторону, когда они уходили с веранды. Он, со своей стороны, больше не пытался к ним подойти. Совсем не то, чего так опасалась Моника. Даже Якоб не смог бы ее упрекнуть в неосмотрительности. Очевидно, эта случайная встреча не сулила неприятностей.

Однако Бригитта оказалась куда прозорливее и Моники, и Беаты. Это выяснилось, когда девушки, пожелав матери спокойной ночи, поднялись к себе.

– О боже, Беата, он великолепен! – прошептала она старшей сестре, задыхаясь от возбуждения. – И без ума от тебя! Вам обоим удалось окончательно одурачить маму.

Сама она находила эту историю потрясающей и уже воображала тайные свидания любовников в полночь.

– Что за вздор, – отмахнулась Беата, снимая красное платье и бросая на стул. Жаль, что она не надела что-то более роскошное. Рядом с Антуаном и платье, и она сама показались Беате простыми, почти уродливыми. – Какое там «без ума»! Он едва меня знает! И никого мы не дурачили. Антуан пригласил нас на ленч, и мама согласилась. Вот и все, и не надо ничего придумывать. Он всего лишь хочет сделать нам приятное.

– Это ты говоришь вздор, а не я! Такие мужчины не приглашают на ленч, если равнодушны к женщине! Когда они ведут себя так, словно ты для них ничто, значит, безумно влюблены. А вот если всячески обхаживают тебя, громко вздыхают и готовы вот-вот упасть к твоим ногам, то, как правило, лгут.

Беата рассмеялась над столь житейски мудрым анализом ситуации, хотя и признавала, что Бригитта куда более искушена в подобных вещах, чем она сама. У малышки безошибочная интуиция. Не то что у ее застенчивой, скромной сестры.

– Ты говоришь ерунду, – возразила Беата, хотя слова сестры заинтриговали ее. – Хочешь сказать, что все мужчины, которые игнорируют меня, вроде тех, кто сидел в ресторане, безумно влюблены? Как чудесно! А те, кто вроде бы ко мне небезразличен, нагло лгут? Боже, как все сложно!

– Да. Но именно так и бывает. Те, кто открыто выражает свои чувства, просто притворщики. А вот другие, как этот Антуан, они надежнее.

– Надежнее в чем?

Беата внимательно смотрела на сестру. Та лежала на постели в изящной позе. Сейчас не скажешь, что ей семнадцать лет. Элегантная, молодая, неотразимо красивая женщина.

– Да хотя бы в любви. Я уверена, что он в тебя влюбился.

– Ну, ничего хорошего это ему не даст. Через три недели мы возвращаемся в Кельн, – деловито напомнила Беата, надевая ночную сорочку, в которой казалась совсем девочкой,

особенно в сравнении с сестрой. Она всегда шила себе белые батистовые сорочки точно такого же фасона, как носила в детстве. Они были удобными и нравились ей.

– За три недели многое может случиться, – загадочно заметила Бригитта, но Беата серьезно покачала головой. Ей лучше знать.

– Ничего не случится. Он не еврей. Мы можем быть друзьями, но и только.

Это отрезвило даже Бригитту, а при мысли об отце девушки притихли.

– И правда, – печально вздохнула Бригитта, – но ты можешь хотя бы пофлиртовать с ним. Тебе необходима практика.

– Да-а… – задумчиво протянула Беата, направляясь в ванную. – Пожалуй, это верно.

Больше они не говорили об Антуане, но Беата долго еще лежала без сна, думая о нем. Ну почему ей так не везет! Первый мужчина, которому удалось завладеть ее сердцем, не только не был евреем – он был французом! Для нее все кончено… но она по крайней мере может наслаждаться его обществом еще три недели.

Было уже около четырех утра, когда ей наконец удалось заснуть.

Глава 3

Ленч с Антуаном оправдал все ожидания Беаты. Антуан был учтив, сердечен, любезен и крайне уважителен, особенно с Моникой; с Бригиттой он обращался как с глупенькой малышкой и смешил всех, подшучивая над ней. Беата втайне восхищалась его умом, обаянием и остроумием, не говоря уже о почти классической красоте. Он рассказывал забавные истории о своей семье, жаловался на тяготы управления поместьем, хотя было очевидно, что ему все это очень нравится. Он ни разу не оговорился, ничем не дав понять, что его земли находятся во Франции. К концу обеда Моника уже была покорена им и не нашла ничего дурного в его прогулке с Беатой после обеда. За столом он не ухаживал за Беатой, и в его поведении не было ничего фамильярного или непочтительного. По мнению Моники, он был просто славным человеком, обрадованным возможностью завести новых друзей. Поэтому она ничего не заподозрила и ничуть не встревожилась.

Антуан и Беата облегченно вздохнули, оставшись одни, и обошли едва ли не все озеро, а потом устроились на узкой полоске песка, опустив ноги в воду и беседуя на всевозможные темы. Оказалось, что у них почти во всем были сходные вкусы и мнения.

– Спасибо за приглашение на ленч и за то, что вы были так милы с моей матерью и Бригиттой.

– Какие пустяки! Это они были милы со мной, хотя из вашей сестры вырастет настоящая роковая женщина, разбивающая сердца мужчин. Надеюсь, ее в ближайшее время выдадут замуж.

– Разумеется, – улыбнулась Беата, по достоинству оценившая его реакцию на Бригитту. Очевидно, Антуан остался совершенно равнодушен к ее чарам и относился к ней с легкой иронией. Беате было немного стыдно за свою радость по этому поводу, но она ничего не могла с собой поделать. Сестра немало досаждала ей своими выходками.

– Она воображает себя влюбленной в одного из друзей Хорста, и мой отец собирается в ближайшее время переговорить с его отцом. Уверена, что к концу года они будут помолвлены.

– А как насчет вас? – встревожился Антуан. – Ваш отец собирается и вам найти жениха?

– Надеюсь, что нет. Я никогда не выйду замуж по расчету. И вообще вряд ли выйду замуж, – со спокойной уверенностью заявила Беата.

– Но почему?

– Потому что не представляю, как может понравиться тот, кого выберут для меня. При мысли об этом мне становится дурно. Не желаю иметь мужа, которого не люблю, не знаю и не хочу. Предпочитаю навсегда остаться одинокой.

Похоже, девушка говорила искренне: в голосе ее звучала неподдельная страсть, и Антуан, слушая ее, испытывал одновременно грусть и облегчение.

– «Навсегда» – слишком долгий срок, Беата. Рано или поздно вы захотите иметь детей, встретите того, кого полюбите, я в этом уверен, – печально вздохнул он, и она повернула голову. Их глаза встретились. Оба долго молчали, прежде чем Беата проговорила:

– И вы тоже.

– Впереди долгие месяцы войны. Кто знает, сколько из нас выживет. Солдаты погибают сотнями, в каждом бою, – объяснил Антуан, но тут же вспомнил о ее братьях и пожалел о своих словах. – Уверен, что все так или иначе образуется, но пока загадывать на будущее просто невозможно. Я всегда считал, что тоже останусь холостяком. Я еще никого не любил, – честно признался он, глядя на Беату, и следующие слова как громом поразили ее: – Пока не встретил вас.

Последовавшее молчание казалось бесконечным. Беата не знала, что сказать, кроме того, что тоже любит его, а ведь они только что встретились. Говорить подобные вещи было просто безумием со стороны Антуана, безумием были и их взаимные чувства, но так уж все сложилось. И они ничего не могли с этим поделать. Оба знали, что отношения, выходившие за рамки дружеских, для них невозможны, но он все равно признался ей в любви.

– Я еврейка, – выпалила она, – и никогда бы не могла выйти за вас.

Глаза Беаты наполнились слезами, и Антуан осторожно сжал тонкие пальцы.

– На свете нередко случаются странные вещи. Люди разной веры встречаются, женятся и живут счастливо.

Антуан весь день грезил о женитьбе на ней. Для обоих это была почти несбыточная мечта, но он больше не мог бороться со своими чувствами. Тридцать два года ушло на то, чтобы найти эту женщину, и сейчас он не хотел терять ее. Он не хотел терять ее вообще. Но на их пути немало серьезных препятствий, и впереди ждет немало трудностей. Его родные будут в бешенстве. Он еще не сказал Беате, что носит титул графа… впрочем, вряд ли она придаст этому значение. То, что притягивало их друг к другу, было сильнее любой веры, титулов, положения или знатности. Он любил в ней все – каждую черточку, любую гримаску, походку, лицо, фигуру, восприятие мира, и она любила в нем то же самое. Их влекло друг к другу неудержимо, но между ними встали вера, национальность, долг и семьи. Семьи, стремящиеся разлучить их. Главное – не позволить этим людям победить. Впереди ждет долгая борьба.

– Мои родные никогда не допустят этого. Мой отец убьет меня. Проклянет, – с трудом выговорила Беата на замечание Антуана о людях разной веры, которые могут быть счастливы вместе. В ее семье подобное было недопустимым.

– Может, и нет, если мы вместе придем к нему. Мои родные тоже будут расстроены. Им понадобится время, чтобы свыкнуться с этим. Но прежде всего нужно ждать окончания войны. Если мы решим пожениться, перед нами ляжет долгая дорога. Это только начало, но я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Поверь, до тебя я никогда и никому этого не говорил.

Девушка, смаргивая слезы, смотрела на него. Они сидели на песке, держась за руки, и она едва слышно призналась:

– Я тоже тебя люблю.

Антуан улыбнулся ей и, наклонившись, поцеловал. Они не делали ничего такого, что не должны были делать. Он был счастлив уже тем, что она рядом.

– Я хотел, чтобы ты знала: я люблю тебя. Это если со мной что-то случится… на фронте. Люблю и буду любить до самой смерти.

Для двухдневного знакомства заявление было по меньшей мере необычным. Но Антуан не лгал. Беата чувствовала это. И готова была ответить тем же.

– Хорошо бы это продолжалось как можно дольше, – вздохнула она.

– Так и будет, – заверил он.

Они посидели еще с часок, а перед тем как подняться, Антуан снова поцеловал Беату. Он очень боялся обидеть или ранить ее, он хотел всего лишь защищать и любить, но они оказались в сложном положении. Их дорога нелегка, но такова судьба. Оба понимали это.

Они взялись за руки и медленно побрели назад, придумывая, как увидеться вечером. Беата сказала, что Бригитта спит как убитая и не услышит ее ухода. Они собирались встретиться в полночь в саду. Только чтобы поговорить. Риск был огромен: если мать узнает, Беату ждет неминуемая кара, поэтому Беата предупредила Антуана, что, если Моника или сестра не уснут, она не придет. Антуан умолял ее быть осторожной и осмотрительной, хотя то, что они задумали, вряд ли можно было назвать верхом благоразумия.

Но Беата каким-то чудом ухитрилась выбраться в сад и в эту ночь, и во все последующие. Целых три недели они гуляли, пили чай и встречались в саду. Целовались и разгова-

ривали. К тому времени как Антуан покинул Женеву, они были безумно влюблены и поклялись сделать все, чтобы провести жизнь вместе. После войны они обязательно поговорят с родными и добьются их согласия. А пока Антуан будет ей писать. Посылать письма на адрес своего женевского кузена, а уж тот станет пересылать их в Кельн. Иначе никак не получится. Во время войны всякая переписка француза с немкой невозможна.

Последняя ночь превратилась в пытку, и Антуан почти до рассвета держал Беату в объятиях. Было уже почти светло, когда она вернулась к себе вся в слезах, веря, однако, что, если судьба смилостивится, когда-нибудь они будут вместе. Антуан должен был получить отпуск на Рождество, но ему придется ехать домой, в Дордонь. Разумеется, о поездке в Германию не могло быть и речи, а ее семья не собиралась проводить Рождество в Швейцарии. Придется ждать. Но у них не было сомнения, что они дождутся. То, что обрели эти двое, бывает раз в жизни, да и то не у всех. Оба были абсолютно уверены в своих чувствах.

– Помни всегда, как сильно я тебя люблю, – прошептал Антуан, когда Беата покидала его в саду. – Я буду думать о тебе каждую минуту и считать часы до нашей встречи.

– Я люблю тебя, – шепнула Беата, всхлипывая, и со слезами поднялась к себе. Но так и не заснула. Когда взошло солнце, она увидела скользнувшее под дверь письмо и, поспешно поднявшись, приоткрыла дверь. Но Антуан уже ушел. Беата подняла листок бумаги и прочла то, о чем он говорил ей много раз. О своей любви и надежде на встречу.

Девушка старательно сложила записку и сунула в ящик комода, где лежали ее перчатки. У нее не хватило духу разорвать послание, хотя хранить его было небезопасно. Но Бригитта вряд ли заглянет в ящик: будучи гораздо крупнее Беаты, она никогда не носила ее перчатки, так что пока ее тайна в полной сохранности.

Но что же теперь будет? Она ничего не может предпринять, кроме как молиться за жизнь и здоровье Антуана.

Каким-то чудом Беате удалось утаить все произошедшее с ней от Бригитты и убедить сестру, что они с Антуаном всего лишь друзья. Такая проза весьма разочаровала Бригитту, и если вначале она не поверила сестре, то вскоре поняла, что не услышит больше ничего интересного. Внешне Беата не проявляла ни малейших признаков любви или страсти и ни в чем не сознавалась. На карту было поставлено слишком много, и она боялась довериться кому бы то ни было. Кроме самого Антуана. Мать одобряла их дружбу; она даже сказала, что надеется снова встретиться с Антуаном, если они когда-нибудь снова приедут в Швейцарию. Что же, это казалось вполне вероятным. Пока продолжается война, Якоб сочтет нужным немного передохнуть от ее тягот в спокойном, мирном уголке.

В Германии дела шли неважно, обстановка в Кельне была напряженной. То и дело приходили известия о гибели друзей и знакомых. Потери росли, и Моника тревожилась о сыновьях, как, впрочем, и Якоб. Но он не забывал и о дочерях. Поэтому он исполнил данное жене обещание и поговорил с отцом берлинского приятеля Хорста, которого Бригитта находила столь очаровательным. Сама она была на седьмом небе, когда отец спросил ее согласия. Молодой человек тоже не был против, а его семья посчитала такую партию превосходной. Якоб дал за младшей дочерью огромное приданое и пообещал купить молодым особняк в Берлине. Как и предсказывала Беата, к концу года, когда Бригитте исполнилось восемнадцать, состоялась помолвка. В мирное время родители устроили бы по этому поводу грандиозный бал, но, поскольку шла война, они ограничились званым ужином для родителей и близких друзей. Пригласили и кое-кого из генералов, а также офицеров, оказавшихся в это время в отпуске. Ульму удалось приехать, а вот Хорст не смог получить отпуск. Но радость была всеобщей. Породнились два известных рода, и двое влюбленных обрели счастье.

Бригитта ни о чем не могла говорить, кроме будущей свадьбы и своего платья. Она должна была выйти замуж в июне, до которого, как ей казалось, была еще целая вечность.

Беата была искренне рада за сестру. Именно об этом Бригитта мечтала с самого детства: муж, дети, вечеринки, наряды и драгоценности. И теперь она получит все. Повезло еще и в том, что жених пока оставался в Берлине, то есть избежал непосредственной опасности: отцу удалось пристроить сына адъютантом к генералу. Отца заверили, что молодого человека не пошлют на фронт, так что Бригитте не о чем было беспокоиться. Ее свадьба не за горами, и будущее казалось вполне надежным.

Беата выглядела абсолютно безмятежной и покорно выносила веселый щебет Бригитты. Она пообещала сестре сшить нижнее белье для приданого и с умиротворенным видом сидела в своей комнате, проворно орудуя иглой. Повсюду были разбросаны обрезки светлого атласа и кружев. Ее словно ничуть не волновало, что младшая сестра выходит замуж первой. Гораздо больше Беату интересовали военные сводки. А раз в неделю она получала письмо от Антуана через его швейцарского кузена и с облегчением убеждалась, что возлюбленный жив и здоров. Он находился где-то под Верденом, и Беата, сидя за шитьем, постоянно думала о нем или в тысячный раз перечитывала его письма. Мать успела заметить одно или два письма, но обычно Беата вставала пораньше и сама забирала почту, так что никто не знал, сколько именно писем она получила и как часто они приходят. Их любовь только крепла, и оба были готовы ждать сколько угодно. Беата поклялась себе и Антуану, что, если с ним что-то случится, она вообще не выйдет замуж. Ей это казалось вполне естественным. Она не могла представить, что способна полюбить кого-то так, как любит его.

Отец заметил ее неестественное, как ему казалось, спокойствие и вообразил, что дочь печалит затянувшееся девичество. Бедняжке давно пора было выйти замуж, и у Якоба разрывалось сердце от любви и жалости к несчастной девочке. Это побудило его потолковать кое с кем из знакомых, и в марте он решил, что нашел для Беаты достойного жениха. Якоб не сразу остановился на этом человеке, но по здравом размышлении решил, что лучшего мужа для дочери не найти: бездетный вдовец, из прекрасной семьи и с большим состоянием. Для Беаты Якоб хотел кого-то постарше и посолиднее, чем тот легкомысленный красавец, в которого влюбилась Бригитта: незрелый вертопрах, к тому же определенно избалован, хотя Якоб и считал его довольно милым мальчиком. Кроме того, Бригитта была без ума от него. А вот мужчина, которого Якоб выбрал для старшей дочери, был вдумчивым, уравновешенным и очень неглупым человеком. Не слишком красив, но и не урод, хотя успел полысеть. В свои сорок два года он уже отрастил довольно солидное брюшко, но при высоком росте это было не так заметно. Зато Якоб знал, что он будет беречь и лелеять жену.

Якоб осторожно поговорил с возможным женихом, и тот заверил, что для него большая честь стать мужем столь прелестной девушки. Его жена скончалась пять лет назад после тяжелой болезни, и он не думал о втором браке. Человек он был спокойный, как и Беата, терпеть не мог светской жизни и хотел тишины и мира в доме.

Якоб и Моника пригласили его на ужин и настояли, чтобы Беата вышла к столу. Она хотела остаться у себя, тем более что Бригитта гостила у родителей жениха в Берлине, где развлекалась на бесчисленных вечеринках, а у Беаты не было желания куда-то идти без нее. Но она понимала, что ей все равно придется выезжать без сестры, когда та переберется к мужу в Берлин.

Родители приказали ей спуститься вниз, не объяснив зачем. Беата появилась в гостиной, похожая на сказочную принцессу в темно-синем бархатном платье, с ниткой крупного жемчуга на шее и крохотными бриллиантами в ушах. Она почти не обратила внимания на гостя, тем более что никогда раньше его не видела, однако вежливо поздоровалась, пожала руку и уже через несколько минут отошла от него, посчитав, что отец счел нужным пригласить кого-то из банка.

За ужином их усадили рядом. Беата учтиво отвечала на вопросы гостя, думая об Антуане и полученном сегодня письме, но сама с соседом не заговаривала. Его голос доносился

до нее словно издалека. Беата послушно растягивала губы в улыбке, произносила какие-то фразы, и гость, приняв равнодушие за стеснительность, нашел ее очаровательной. Холодность Беаты завораживала ее соседа, хотя сама она едва замечала его, тем более что не имела ни малейшего понятия, зачем приглашен этот человек, и считала, что лишь по чистой случайности оказалась рядом с ним за ужином.

Этим вечером Беата тревожилась за Антуана больше обычного. Причиной тому было полученное после долгого молчания письмо, в котором он писал о разгроме французской армии под Верденом. Сидя за столом, она почти не обращала внимания на окружающих. Все ее мысли были об одном, и, с трудом дотянув до конца ужина, Беата пожаловалась на головную боль и потихоньку ускользнула: ей показалось более благоразумным уйти незаметно. Она даже не потрудилась попрощаться, и несколько растерявшийся жених спросил Якоба, когда родители намереваются поговорить с невестой. Якоб пообещал не затягивать с разговором. Он хотел для старшей дочери такого же счастья, как для Бригитты, и был уверен, что именно этот человек предназначен ей судьбой. Будущий муж даже разделял страсть Беаты к трудам греческих философов, которые и попытался обсудить с ней за ужином, но девушка только рассеянно кивала в ответ на каждую его фразу, не слыша по-настоящему ни единого слова, потому что витала где-то очень далеко, не в силах вернуться на землю. Но ничего не подозревавший жених нашел ее милой, скромной и хорошо воспитанной девушкой.

Наутро настроение ее значительно улучшилось. Беата только что получила еще одно письмо от Антуана, где тот заверял, что жив, здоров и по-прежнему безумно в нее влюблен. Под Верденом французам пришлось пережить настоящий ад, кошмар наяву, и многие до сих пор не оправились от пережитых испытаний. Но уже сознания того, что Антуан жив, оказалось достаточно, чтобы Беата была на седьмом небе от счастья, и отец только радовался, глядя на улыбающуюся дочь. Пригласив Беату в библиотеку, он первым делом спросил, как ей понравился вчерашний ужин. Беата вежливо ответила, что все было прекрасно. На расспросы о соседе по столу она пожимала плечами, объясняя, что почти не обратила на него внимания. Пожалуй, он человек довольно приятный, но это все, что она может о нем сказать.

Было совершенно ясно, что девушка понятия не имела о намерениях родителей.

Слушая отца, Беата все больше бледнела. Он объявил, что тот человек, с которым она сидела рядом за ужином и которого едва заметила, не говоря уже о каких-то чувствах по отношению к нему, готов жениться на ней. Мало того, не видит причин для отсрочки. Он хотел бы сочетаться с ней браком как можно скорее, и отец считал, что скромная свадьба, устроенная вскоре после бракосочетания Бригитты, скажем, в июле, будет вполне уместна. Если же Беата предпочитает выйти замуж раньше младшей сестры, самым подходящим месяцем будет май. Нет никакой необходимости ждать. Время военное, и тянуть с помолвкой нет смысла.

Потрясенная, Беата оцепенела, с ужасом глядя на отца. Якоб не сразу распознал гримасу отвращения и продолжал распространяться о свадебных планах. Но Беата, немного придя в себя, вскочила и в панике забегала по комнате. В ее речи было столько ярости и возмущения, что Якоб не верил собственным ушам. Не такого он ожидал от дочери. Не этого хотел. Он почти убедил вдовствующего претендента на руку Беаты, что брак – дело решенное, и даже обсудил с ним условия брачного контракта и сумму приданого. Какой будет стыд, если Беата откажется выйти за него замуж! Но она всегда была такой хорошей, послушной девочкой, что Якоб все же надеялся, что рано или поздно дочь послушает отца.

– Я даже не знаю его, папа, – со слезами пробормотала она. – Он достаточно стар – да ведь он мне в отцы годится, и я не хочу выходить за него! Если ты потребуешь, чтобы я делила с ним постель, я предпочту умереть старой девой.

Отец явно смутился, слушая столь откровенную расшифровку его намерений, и решил предоставить матери уговаривать взбунтовавшуюся дочь. Но перед этим еще раз попытаться урезонить ее, тем более что ожидал не яростного сопротивления, а восторга.

– Тебе придется довериться моему суждению, Беата. Он – тот, кто тебе нужен. Разумеется, ты в своем возрасте еще питаешь романтические иллюзии насчет любви, совершенно беспочвенные в реальном мире. На деле же тебе необходим спутник жизни, который разделял бы твои интересы, уважал и почитал тебя и стал бы тебе надежной опорой. Остальное придет со временем, обещаю тебе. Ты куда рассудительнее сестры и нуждаешься в таком же практичном и разумном человеке, как сама. Тебе совершенно не нужен глупый молокосос со смазливой физиономией. Твоим мужем должен стать человек, который смог бы защищать и обеспечивать жену и детей. Человек, на которого можно положиться. С кем есть о чем поговорить. В этом смысл супружеской жизни, Беата. Не в романтике, балах и вечеринках. Такой женщине, как ты, это совершенно ни к чему. Солидный, надежный мужчина – вот кто тебе необходим, – наставительно подытожил Якоб. Беата круто развернулась и яростно уставилась на отца.

– Вот ты и спи с ним. Я не дам ему дотронуться до меня. Я не люблю этого человека и не выйду за него замуж только потому, что ты этого желаешь! И не позволю, чтобы меня продавали в рабство чужому человеку, словно скотину или вещь! Ты не имеешь права так поступать со мной!

– А я не позволю так со мной разговаривать! – прогремел Якоб, дрожа от гнева. – И что, по-твоему, я должен делать? Отойти в сторону и смотреть, как ты доживаешь жизнь старой девой? Что будет с тобой, когда мы с твоей матерью умрем и ты останешься одна? А этот человек позаботится о тебе, Беата, чего еще желать? Ты не можешь сидеть дома и ждать прекрасного принца, который приедет и увезет тебя. Принца такого же умного, серьезного и увлеченного книгами, как ты сама! Возможно, ты предпочитаешь университетского профессора, но ему просто не по карману обеспечивать тебя так, как ты привыкла и как того заслуживаешь. Этот же человек нашего круга и достаточно богат, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Твой долг перед будущими детьми – выйти замуж за достойного, порядочного, состоятельного человека, а не за голодающего художника или писателя, который оставит тебя, умерев в какой-нибудь канаве. Мы с твоей матерью знаем, что делаем. Ты же молодая, глупенькая идеалистка. Истинная жизнь – не в книгах, которые ты читаешь. Она здесь, именно здесь, и ты поступишь, как скажу я.

– Раньше я умру, – бросила Беата, не отводя глаз от отца и, похоже, не собираясь отступать.

Якоб никогда не видел дочь такой неуступчивой и решительной и только сейчас догадался о причине, догадался о том, что просто никогда не приходило ему в голову, если речь шла о Беате. И только сейчас он отважился задать ей единственный вопрос. Голос его заметно дрожал: Якоб очень боялся того, что может услышать.

– Ты в кого-то влюблена?

Он и представить такого не мог. Беата почти все время сидела дома. Но он все понял по ее глазам. Понял – и только поэтому осмелился спросить.

Беата поколебалась, прежде чем ответить. Она понимала, что должна сказать правду. Иного выхода она просто не видела.

– Да, – обронила она, гордо выпрямившись.

– Почему ты не призналась мне? – устало вздохнул отец, хватаясь за сердце. Сейчас он казался убитым горем и одновременно взбешенным. Но всего хуже, Якоб чувствовал, что его предали. Беата позволила ему хлопотать о свадьбе, не потрудившись объяснить, что на свете есть человек, который ей глубоко небезразличен. И этого вполне достаточно, чтобы поставить под угрозу союз, в котором дочь наверняка была бы счастлива.

– Кто он? Я его знаю? – допытывался Якоб, передернувшись, словно кто-то прошел по его могиле.

Беата покачала головой и тихо проговорила:

– Не знаешь. Я встретила его этим летом в Швейцарии.

Настала пора быть абсолютно честной с отцом, иного выхода просто не было. Правда, момент истины настал скорее, чем Беата хотела или ожидала, и теперь оставалось только молиться, чтобы отец был справедлив и честен с ней.

– Почему ты ничего не сказала? Мать знает об этом?

– Нет. Никто не знает. Мама и Бригитта знакомы с ним. Но тогда он был всего лишь другом. Я хочу выйти за него, когда война закончится. Он собирается приехать и познакомиться с тобой.

– В таком случае пусть приезжает, – процедил отец, который, несмотря на охватившую его ярость, все же намерен был проявить благородство и рассудительность по отношению к любимой дочери, пусть даже та и жестоко ошибается.

– Он не может сейчас приехать, папа. Он на фронте.

– Твои братья знакомы с ним?

Беата снова покачала головой и ничего не ответила.

– Почему ты ни словом не обмолвилась о нем, Беата? Я чувствую, что ты что-то утаиваешь.

Он был прав. Прав, как всегда.

– Он из хорошей семьи. У них свое поместье, – пробормотала Беата, дрожа от ужаса. – Прекрасно образован и умен. Он любит меня, папа, и я люблю его.

По ее щекам бежали слезы.

– В таком случае почему ты все держала в секрете? Что ты скрываешь от меня, Беата? – прогремел отец, и Моника, стоявшая у подножия лестницы, сжалась от страха.

– Он католик и француз, – прошептала Беата.

Крик раненого льва вырвался из горла Якоба. Это было так жутко, что девушка стала отступать, а отец все продолжал на нее надвигаться и остановился только тогда, когда безжалостно стиснул плечи Беаты и стал трясти дочь с такой силой, что у нее застучали зубы.

– Как ты посмела! – заорал он ей в лицо. – Как посмела сотворить такое со мной?! Ты не выйдешь за христианина, Беата! Никогда! Раньше я увижу тебя мертвой! А если ослушаешься меня, умрешь для всех нас! Я запишу твое имя в семейный поминальник! Ты больше не увидишь этого человека, ясно тебе? И пойдешь под венец с Ролфом Хоффманом в тот день, который я назначу! Я скажу ему, что все решено. А своему дружку-французу передашь, что больше никогда не увидишь его и не заговоришь с ним. Ты все поняла?

– Ты не можешь так поступить со мной, папа, – всхлипнула Беата, задыхаясь. Она не откажется от Антуана, не выйдет за избранника отца, что бы с ней ни делали.

– Могу и хочу. Через месяц ты станешь женой Хоффмана.

– Папа, нет!

Она, рыдая, упала на колени, но отец попятился, вылетел из библиотеки и поднялся наверх. Беата долго стояла на коленях, продолжая плакать, пока не пришла сокрушенная горем мать и не опустилась на пол рядом с дочерью.

– Беата, что ты наделала? Ты должна забыть его. Знаю, он хороший человек, но не можешь же ты стать женой француза, человека, с чьей страной мы воюем, и к тому же католика! Твой отец исполнит угрозу и запишет твое имя в книге поминовения мертвых!

Моника была вне себя, однако, встретившись с взглядом дочери, осеклась.

– Я все равно умру, мама, если не стану его женой! Я люблю Антуана и не выйду за этого ужасного человека.

Конечно, Беата сознавала, что Хоффман вовсе не так ужасен, но в ее глазах он был стар и не был Антуаном – два самых непростительных недостатка.

– Я так и скажу отцу. Но он ни за что не позволит тебе выйти за Антуана.

– Мы решили пожениться после войны.

– Ты должна сказать ему, что ничего не выйдет. Не можешь же ты отречься от всего, что составляет суть твоей жизни!

– Мы любим друг друга!

– Вы оба – глупые дети. Его семья тоже не потерпит такого брака и укажет ему на порог. Как вы будете жить? На что?

– Я умею шить… могу стать модисткой, учить детей, на это моих знаний хватит. Папа не имеет права меня принуждать!

Но обе знали, что у отца есть все права. Он сделает так, как пожелает, и уже сообщил дочери, что та умрет для семьи, если свяжет свою жизнь с христианином. Моника знала, что он так и поступит, но не могла допустить и мысли о том, что больше никогда не увидит Беату. Слишком высокая цена за любовь!

– Умоляю тебя, не делай этого, – заклинала она дочь. – Послушайся отца!

– Ни за что, – всхлипнула Беата, обнимая мать.

Якоба недаром считали человеком умным и предусмотрительным. Он в этот же день сказал Ролфу Хоффману, что Беата слишком молода, неразумна и, похоже, боится… физических отношений между мужчиной и женщиной, поэтому он не уверен, так ли уж готова его дочь вступить в брак. Лгать Якобу не хотелось, но и правды сказать он не мог. Вздохнув, он объяснил, что, возможно, им следует получше узнать друг друга и когда Беата привыкнет к мысли о семейной жизни…

Хоффман разочарованно кивнул, но все же сказал, что готов ждать, сколько потребуется. Он и в самом деле был не против подождать, понимая, что имеет дело с невинной молодой девушкой. При первом знакомстве она показалась ему скромной и застенчивой. Но даже покорная дочь имела право познакомиться с человеком, собиравшимся жениться на ней и уложить в свою постель.

Якоб был благодарен Ролфу за понимание и терпение и пообещал, что Беата в конце концов одумается.

Вечером она не спустилась к ужину, и Якоб не видел ее несколько дней. По словам матери, Беата не вставала с постели.

Она написала Антуану, рассказала о случившемся и добавила, что отец никогда не согласится на их брак, но она все равно готова выйти за Антуана либо после войны, либо когда он захочет. Она больше не чувствует себя спокойно в собственном доме, зная, что отец не оставит попыток выдать ее за Ролфа. Беата знала также, что могут пройти недели, прежде чем придет ответ от Антуана.

Целых два месяца от него ничего не было. Только в мае пришло письмо, и все это время Беата изнемогала от страха, что его или ранили, или убили, или, убоявшись гнева Якоба, он решил отступиться от нее и никогда больше не писать. Верным оказалось первое предположение. Месяц назад Антуан был ранен, и его отправили в госпиталь в Ивето, на побережье Нормандии. Антуан едва не потерял руку, но сейчас успокаивал Беату, что вскоре совершенно поправится, а к тому времени, как она получит это письмо, уже будет дома, в Дордони, и сообщит родным, что собрался жениться. На фронт он больше не вернется и слышать ничего не желает о войне.

Прочтя это, Беата испугалась, что ему пришлось куда хуже, чем он представил в письме, но Антуан несколько раз повторил, что выздоравливает и очень-очень любит ее.

Беата немедленно написала ответ и отослала, как и всегда, через его швейцарского кузена. Теперь оставалось только ждать. Антуан надеялся, что семья примет Беату в свое

лоно, они смогут пожениться и жить в его имении в Дордони. Хотя, нужно сказать, привезти немку во Францию в такое время или даже после войны – дело совсем непростое. Что же говорить о разных вероисповеданиях? Его семье наверняка это не понравится. Женитьба французского графа на еврейке для них такой же мезальянс, как для ее семьи брак еврейки с французом-католиком. Поэтому Антуан предупреждал Беату, что их ждут нелегкие времена. Беата и сама не сомневалась в этом и, написав письмо, старалась не выходить из дома. Помогала матери по хозяйству и старалась держаться подальше от отца. Тот не оставлял попыток заставить дочь поближе познакомиться с Ролфом, но Беата упорно отказывалась, заявив, что никогда не выйдет за этого человека и не желает больше его видеть. Она так побледнела и похудела, что походила на привидение, и вид дочери разрывал материнское сердце. Моника постоянно заклинала ее послушаться отца, уверяя, что без этого у них не будет ни мира, ни покоя. Непокорная дочь так больно ранила сердца родителей, что теперь в доме царила поистине кладбищенская атмосфера.

Приехавшие в отпуск братья безуспешно пытались убедить сестру оставить мысль о браке с чужаком, а Бригитта, целиком захваченная предсвадебным возбуждением, так разозлилась, что буквально набросилась на сестру.

– Как ты могла сделать такую глупость и признаться папе? – возмущалась она.

– Не хотела ему лгать, – просто ответила Беата. Но с той поры отец видеть никого не желал. Злился на всех без исключения, считая всех виноватыми в глупости и предательстве Беаты. Особенно больно ранило его то, что он назвал предательством, словно дочь влюбилась в Антуана исключительно назло отцу. В его глазах ничего хуже Беата сделать не могла. Наверное, он и через много лет не оправился бы от этого удара, даже если бы дочь отказалась от Антуана, чего делать она решительно не собиралась.

– Ты не любишь его по-настоящему, – заявила Бригитта со всей самоуверенностью восемнадцатилетней особы, поймавшей своего волшебного принца и теперь жалевшей свою глупую сестру. Все ее переживания она считала полной чушью. То, что казалось ей в Женеве романтическим приключением, не имело больше никакого смысла. Она восторгалась браком, который устроил для нее отец, и не представляла ничего лучше.

– Ты даже не знаешь его! – упрекала она сестру.

– Не знала тогда. Зато знаю сейчас, – поправила ее Беата. Они с Антуаном открыли друг другу душу в письмах, но и в Женеве, после трехнедельного знакомства, были уверены в своих чувствах. – Может, для тебя это вздор, но я знаю, что это моя судьба.

– Даже если папа запишет тебя в поминальник и никогда не позволит видеться с нами?

При мысли об этом – а ни о чем больше она не могла думать последние два месяца – Беате стало нехорошо.

– Надеюсь, он не сделает такого со мной, – с трудом произнесла она. Представить невозможно, что больше она не увидит мать, братьев и даже Бригитту! Но и отказаться от любимого тоже немыслимо! Пусть даже отец сначала и выгонит ее из дома, Беата надеялась, что со временем он смягчится. Если же она потеряет Антуана, то это навсегда. А родных потерять невозможно.

– Но если папа все же не отступится и запретит нам видеться с тобой? – не унималась Бригитта, вновь вынуждая сестру осознать всю степень риска, на который та идет. – Что тогда будет?

– Подожду, пока он одумается, – грустно вздохнула Беата.

– Не одумается. Никогда, особенно если свяжешься с христианином. Отец еще может простить тебе отказ выйти за Ролфа. Но француз… Это совершенно ни в какие ворота не лезет! Он не стоит этого, Беата. И никто не стоит.

Бригитта была счастлива получить одобрение родителей: у нее просто не хватило бы дерзости или мужества пойти по стопам сестры или хотя бы пригрозить сделать что-то подобное.

– Только не натвори глупостей, из-за которых может расстроиться моя свадьба! – предупредила Бригитта, и Беата согласно кивнула.

– Ни за что, – пообещала она.

Так получилось, что ответ от Антуана пришел за неделю до свадьбы Бригитты. Реакция его семьи оказалась вполне предсказуемой. Родные сказали, что, если он женится на немецкой еврейке, двери дома для него закроются. Отец разве что не выгнал его, запретив взять с собой вещи. По французским законам отец не мог лишить его наследства и титула, но объявил сыну, что если тот женится на Беате, пусть не показывается родителям на глаза. Антуан был так взбешен, что немедленно уехал в Швейцарию, куда, как он надеялся, приедет и Беата. Он мог предложить только одно: переждать войну в Швейцарии, если она все еще готова выйти за него, хотя прекрасно знал, что будет означать для них полная изоляция от родственников. Кузен сказал, что новобрачные могут жить с ним и его женой и работать на ферме. Антуан не скрывал, что это будет нелегко, тем более что денег ниоткуда ожидать не приходится. Его кузен совсем небогат, и они будут вынуждены жить на его попечении и сами зарабатывать на жизнь. Антуан готов был пойти на это, остальное зависело от Беаты. Он добавил, что поймет и не осудит, если она решит, что ей слишком тяжело оставить семью. И что будет любить Беату, каким бы ни было ее окончательное решение. Он сознает, что, выйдя за него, она должна пожертвовать всем, что любит и ценит в жизни, всем, что ей знакомо и дорого.

Больше всего тронуло Беату то, что сам Антуан уже пожертвовал всем ради нее. Оставил семью в Дордони без надежды когда-либо вернуться и сейчас, одинокий и раненый, живет на какой-то ферме в Швейцарии. И сделал он это для нее! Их страны по-прежнему воюют, даже если для Антуана война уже окончена. Конечно, Беата хотела бы посетить Германию и повидать родных, если отец позволит. Но пока война не кончится, это для них исключено. Остается только ждать в Швейцарии и положиться на судьбу. Может, к тому времени семья Антуана смягчится? Правда, Антуан писал, что это вряд ли возможно: слишком жестокий скандал предшествовал его отъезду. Даже Никола, его брат, отказывался говорить с Антуаном, а ведь они всегда были близки. Для Антуана эта потеря была самой тяжелой.

Неделя перед свадьбой сестры прошла, как в тумане. Беата терзалась мучительными мыслями, понимая, что она должна принять решение. Двигаясь, как автомат, она выполняла все, что от нее требовали. Окружающий мир казался ей сном. По иронии судьбы Бригитта с мужем собирались провести медовый месяц именно в Швейцарии, которую Якоб считал самым безопасным местом в Европе. Они будут жить в Альпах, недалеко от той фермы, где ее ждет Антуан! Беате хотелось немедленно уехать, но она пообещала сестре не портить ей свадьбы и сдержала слово.

Бомба взорвалась через два дня, когда отец потребовал, чтобы она написала Антуану, что навсегда порывает с ним.

К этому времени братья вернулись к месту службы, Бригитта отправилась в свадебное путешествие, и отец принялся за Беату.

Битва была короткой и яростной. Беата отказалась пообещать отцу никогда не видеться с Антуаном, тем более что он уже ждет ее в Швейцарии. Мать, едва не бившаяся в истерике, безуспешно пыталась успокоить обоих. Окончательно выведенный из себя отец заявил, что если Беата не бросит своего католика, пусть убирается к нему, но после этого обратный путь

ей заказан. И что они с матерью будут сидеть по ней шиву[1], как по мертвой. Никогда никто из них и словом о ней не обмолвится.

Именно несправедливость отца и нескрываемая злоба, звучавшая в каждом его слове, побудили Беату принять окончательное решение.

Спустя несколько часов, истощив все аргументы и просьбы взглянуть на вещи здраво и хотя бы попытаться узнать Антуана, потерпевшая поражение Беата ушла к себе, собрала в два небольших саквояжа вещи, которые, по ее мнению, могли понадобиться ей на ферме, и положила сверху фотографии родных. Потом с плачем вынесла саквояжи в коридор. Мать, рыдая, стала умолять дочь:

– Беата, не делай этого… он ни за что не позволит тебе вернуться домой.

За все годы супружеской жизни Моника еще не видела мужа в таком гневе, и, хотя она боялась потерять дочь, предотвратить трагедию было не в ее силах.

– Ты будешь всегда жалеть об этом!

– Знаю, – снова заплакала Беата, – но другого никогда не полюблю. И не хочу его терять.

Но и родных терять было страшно.

– Ты будешь писать мне, мама? – спросила Беата, снова почувствовав себя ребенком, когда мать обняла ее и их слезы смешались. Беата целую вечность ждала ответа матери и наконец поняла, что означает ее молчание. Стоит ей выйти за порог родного дома – и она будет мертва для всех. Так повелел отец, и матери не остается ничего, кроме как повиноваться мужу. Она не переступит границ, установленных хозяином дома, даже ради собственной дочери. Его слово было законом для нее и детей. А Якоб твердо намеревался объявить Беату мертвой.

– Я напишу тебе, – тихо сказала Беата, прильнув к матери, как малое дитя, каким она во многом оставалась до сих пор, хотя этой весной ей исполнился двадцать один год.

– Он не позволит мне получать твои письма, – прошептала Моника, прижимая к себе дочь. Видеть, как она уходит, было хуже смерти. – О, дорогая… будь счастлива с этим человеком… надеюсь, он станет тебе хорошим мужем, – всхлипнула она. – Хоть бы он оказался достоин такой жертвы… О, дитя мое, я больше никогда тебя не увижу!

Беата, зажмурившись, крепко обняла мать. С верхней площадки лестницы за ними молча наблюдал отец.

– Значит, уходишь? – сурово спросил он наконец. Впервые отец показался Беате стариком. До сих пор она всегда считала его молодым, но теперь все изменилось. Он терял любимого ребенка, которым гордился больше, чем остальными детьми. Последнего, который еще оставался дома.

– Да, – едва слышно прошептала Беата. – Я люблю тебя, папа.

Ей хотелось броситься к нему, вымолить прощение, но по выражению отцовского лица Беата поняла, что не стоит и пытаться.

– Сегодня ночью твоя мать и я справим шиву по тебе. Прости тебя Господь за все, что ты делаешь.

Беата не посмела ничего ответить отцу. Только поцеловала мать в последний раз, подняла саквояжи и стала медленно спускаться вниз, слыша за своей спиной рыдания матери. Отец молчал.

– Я люблю вас! – крикнула Беата, прежде чем закрыть за собой дверь. Ответа не было. Ни единого звука, если не считать рыданий матери. Дверь тихо закрылась.

Беата шла, пока не увидела такси. Подала водителю саквояжи и попросила отвезти ее на вокзал. Всю дорогу она проплакала, сидя на заднем сиденье. Водитель молча взял деньги.

[1] Еврейский поминальный ритуал, когда присутствующие сидят на полу с зажженными свечами и поминают усопшего.

В эти дни почти в каждой семье были свои трагедии, и он не хотел ничего знать. Всех не пожалеешь. У него и своих бед достаточно.

Беате три часа пришлось ждать поезда до Лозанны. Времени более чем достаточно, чтобы передумать. Но девушка отлично сознавала, что не сделает этого. Всем своим существом она ощущала, что ее будущее – с Антуаном. Ведь и он пожертвовал для нее не меньшим. Никто не знает, что сулит им судьба, но с самой первой их встречи стало ясно, что они предназначены друг для друга. Беата не видела Антуана с самого сентября, но он стал частью ее души. Ее жизнью. Они принадлежат друг другу. Совсем как ее родители. Бригитта тоже принадлежит человеку, за которого вышла замуж. У каждого своя дорога. И если удача будет на ее стороне, она когда-нибудь снова встретится с родными. А пока пойдет своим путем. Беата не могла поверить, что ее отец навсегда останется таким неумолимым, как сегодня. Рано или поздно он обязательно сдастся.

В поезде Беата снова принялась плакать, пока наконец не заснула. Соседка по купе, почтенная старушка, разбудила ее перед самой Лозанной. Беата вежливо поблагодарила ее, вышла на перрон и огляделась. Она вдруг почувствовала себя сиротой, хотя догадалась послать Антуану телеграмму из Кельна. И тут вдруг увидела, как он спешит ей навстречу. Рука была на перевязи, но он добежал до Беаты, притянул ее к себе здоровой рукой и прижал так крепко, что она задохнулась.

– Я не знал, приедешь ли ты. Боялся, что не… я потребовал от тебя слишком многого…

Они оба плакали, но не замечали своих слез. Антуан все повторял и повторял, как сильно любит ее, и Беата благоговейно слушала. Теперь он – вся ее семья, ее муж, ее настоящее и будущее, отец детей, которые у них родятся. Он для нее – все на свете, как и она – для него. И не важно, какие трудности им придется вынести. Главное – они вместе. И как ни тяжело было оставить родных, Беата знала, что поступает правильно.

Они долго стояли на платформе, наслаждаясь единением, прильнув друг к другу. Затем Антуан здоровой рукой поднял саквояж, Беата подхватила второй, и они прошли в здание вокзала, где их ждали кузен с женой. Антуан так и сиял, а Беата нежно улыбалась ему. Кузен уложил саквояжи в багажник машины, и Антуан снова привлек Беату к себе. Он не смел поверить, что она действительно приедет! Но она приехала! Все бросила ради него.

Они уселись на заднее сиденье машины, и Антуан, обняв ее, поцеловал. У него не находилось слов, чтобы высказать, что она значит для него.

Машина медленно покатила по улицам Лозанны и выехала за черту города. Беата тихо сидела рядом с Антуаном. Она не может позволить себе оглядываться на прошлое. Вперед. Только вперед. Отец наверняка исполнил свое обещание внести ее имя в поминальную книгу. Прошлой ночью по ней справили шиву. Для родных она мертва.

Глава 4

Ферма кузена Антуана оказалась маленькой и простой. Местность была прекрасной, дом – теплым, уютным, хоть и без претензий. Две небольшие спальни располагались рядом. В одной из них появились на свет трое хозяйских детей. Они выросли и давно уже разъехались по городам. Никто не захотел работать на ферме. Кухня была большой и удобной, а гостиной никто никогда не пользовался. Антуан объяснил, что хозяева фермы находятся в дальнем родстве с его матерью; они рады принять у себя молодых людей и будут благодарны за помощь на ферме. Пока же работниками у них были всего двое молодых парней, живущих в крошечном коттедже и помогавших с пахотой, сбором урожая и уходом за коровами. Здесь, в горах над Лозанной, трудно было представить, что где-то в мире существуют беды и невзгоды. Ферма казалась затерянной на самом краю земли.

Родственники Антуана, Мария и Вальтер Цуберы, были приветливыми, дружелюбными людьми, и хотя получили неплохое образование, денег имели недостаточно, а потому выбрали жизнь, которую могли себе позволить. Их родные жили в Женеве и Лозанне, дети же эмигрировали в Италию и Францию. Цуберы были примерно того же возраста, что и родители Беаты, хотя, возможно, и немного постарше. Суровое, трудное, заполненное работой существование пошло им на пользу. А убежище, предложенное ими Антуану, было идеальным для молодой пары, нуждавшейся в крове. Антуан намеревался делать все, что сможет, в благодарность за жилье, но искалеченная рука вряд ли позволит ему работать в полную силу. Последствия ранения еще долго будут сказываться.

Позже, меняя Антуану повязку и массируя руку, Беата не могла отвести взгляд от страшной раны. Зрелище потрясло ее. Шрапнель почти уничтожила мышцы и нервы левой руки. Врачи обнадежили, что Антуан со временем снова сможет пользоваться ею, но никто из них не мог сказать, свободно ли. Очевидно, полностью восстановить функции руки будет невозможно. Разумеется, это нисколько не повлияло на чувства Беаты к нему. К счастью, Антуан не был левшой.

Он предложил Вальтеру помогать с лошадьми, поскольку прекрасно в них разбирался, а больная рука в этом деле не помеха. Остальное ляжет на плечи Беаты и парней.

После обеда, состоявшего из супа и сосисок, Беата предложила готовить и делать все, что потребует Мария. Та пообещала научить ее доить коров, и Беата удивленно посмотрела на нее. Она впервые была на ферме и понимала, что ей еще многое предстоит узнать. Беата оставила ради Антуана не только семью, родной дом и город, но и жизнь, к которой привыкла. Отдала ради него все, но и он пожертвовал всем. Для каждого из них это стало началом нового пути, а без Цуберов им было бы просто некуда идти и не на что жить. После обеда Беата горячо поблагодарила Марию и помогла ей мыть посуду. Впервые в жизни Беата ела трефные[2] продукты. И хотя вкус был ей незнаком, здесь, на ферме, было не до капризов. Вся ее жизнь в мгновение ока переменилась.

– Когда вы собираетесь пожениться? – сочувственно спросила Мария тоном заботливой матери. Она волновалась за Беату с тех самых пор, как Антуан написал им и спросил, смогут ли они принять молодую пару. Цуберы по натуре были людьми не только великодушными и гостеприимными, но и сговорчивыми, тем более что родные дети давно их покинули, а эти молодые люди станут им верными помощниками.

– Не знаю, – тихо ответила Беата. У них с Антуаном еще не было времени поговорить об этом. Все вокруг казалось таким новым и непривычным, а она еще не отошла от шока последних дней в Кельне.

[2] Не разрешенные в пищу еврейской религией, в противоположность кошерным, т. е. разрешенным раввином.

Только поздно вечером молодые люди смогли потолковать о планах на будущее. Антуан постелил себе на диване в гостиной и, с полного одобрения Марии, отдал в распоряжение Беаты маленькую спальню. Антуан заверил родственников, что они с Беатой скоро поженятся: Мария не желала, чтобы они жили в грехе под ее крышей, и Вальтер полностью соглашался с ней. Впрочем, молодым людям и самим не терпелось стать мужем и женой. Сразу после приезда Антуан навел справки и узнал, что им как иностранным гражданам требуется разрешение на брак в Швейцарии. Решив как можно скорее раздобыть необходимые документы, он посадил Беату в одолженный у Вальтера грузовик и повез в соседний город. Оказалось, что им нужны паспорта, которые позволят зарегистрироваться в мэрии, и два швейцарских гражданина в качестве свидетелей. Тот факт, что дедушка Антуана со стороны матери был швейцарцем, особого значения не имел. Мать была француженкой, следовательно, и Антуан считался французом. Чиновник, принявший их, пообещал, что через две недели все необходимые бумаги будут получены.

– Вы женитесь гражданским браком или церковным? – деловито осведомился слуга закона, и Антуан вопросительно взглянул на невесту. Они и не задумывались над тем, кто их поженит; Антуан полагал, что короткой гражданской церемонии в мэрии будет вполне достаточно. Поскольку никто из родственников, кроме Цуберов, не будет присутствовать на свадьбе, минимума необходимых формальностей вполне достаточно, чтобы получить свидетельство о браке и отныне жить спокойно и счастливо. Ни церемоний, ни фанфар, ни приема, ни балов, ни празднеств. Всего момент во времени, после чего они станут мужем и женой. Как и где это произойдет и кто их обвенчает, мало интересовало обоих. Услышав вопрос чиновника, Антуан нерешительно пожал плечами. Молодые люди вышли из мэрии, и Антуан, обняв невесту, нежно поцеловал ее. Беата удивленно покачала головой.

– Подумать только, через две недели мы поженимся, – прошептала она. Не о такой свадьбе она мечтала в детстве, но во всем остальном это было воплощением ее мечты. Они встретились десять месяцев назад, полюбили друг друга с первого взгляда, и теперь Беата хотела только одного: провести с ним всю свою жизнь. Они еще не знали, где будут жить после войны, на какие средства и примут ли их родные. Все это, конечно, волновало Беату, но сейчас ей был нужен только Антуан.

– Кто будет нас венчать? Все зависит от твоего желания, – мягко заметил Антуан. Клерк задал резонный вопрос. А вдруг Беата попросит, чтобы обряд провел раввин? От этой мысли Антуану почему-то стало не по себе, хотя он и не признался бы в этом. Впрочем, они могут зарегистрироваться в мэрии, но Антуан неожиданно осознал, что предпочел бы еще и обвенчаться у священника.

– Я как-то не думала об этом. Мы не можем обратиться к раввину. Тебе пришлось бы перейти в иудейство, а для этого нужно выучить уйму всего. Это займет много лет, – рассудила Беата. А ведь им и две недели казались вечностью. Никто из них не собирался ждать годы, особенно сейчас, когда Беата здесь и они живут у Цуберов. И без того Антуан лежал без сна почти всю предыдущую ночь, зная, что она сейчас в постели, которую им придется делить после свадьбы. После всего, что им пришлось вынести, Антуан умирал от желания поскорее сделать ее своей.

– А если нас поженит священник? – напрямую спросил он, и, хотя не собирался принуждать Беату, она сразу почувствовала, что сам он мечтает именно об этом.

– Н-не знаю. Я никогда об этом не думала. Но просто зарегистрироваться в мэрии… очень уж тоскливо. Уверена, что нет никакой разницы, кто нас обвенчает: раввин или священник. Я всегда считала, что о нас печется единый Господь. По-моему, совсем не так важно, принадлежит он церкви или синагоге.

Для Антуана подобные идеи оказались совершенно непривычными. В отличие от членов своей семьи Беата была крайне либеральна.

На обратном пути они обсудили возможность ее обращения в католицизм. У Беаты были на удивление широкие взгляды, и она убедила Антуана, что именно так и поступит. Ей не хотелось отказываться от своей веры, но она слишком любила Антуана и понимала, что в случае ее обращения в католицизм они скорее смогут пожениться.

Обрадованный Антуан остановил грузовик у маленькой церкви, к которой прилепился домик священника, вышел из машины, поднялся по древним каменным ступеням и позвонил в колокольчик. Судя по табличке, церковь была построена в десятом веке, и камни выглядели истертыми и выветренными. На пороге показался приветливо улыбавшийся священник. Антуан обменялся с ним несколькими словами и махнул рукой Беате. Та вышла из машины и настороженно приблизилась к ним. Она никогда в жизни не разговаривала со священниками, даже видела их крайне редко, разве что случайно на улице, но этот показался ей добрым.

– Ваш жених говорит, что вы хотите обвенчаться, – начал священник, приветливо глядя на девушку. Та с наслаждением вдыхала горный воздух, любуясь раскинувшимся за церковью лугом с желтыми одуванчиками, рядом с которым располагалось маленькое кладбище с полуразрушенными памятниками. Рядом с церковью находились крохотная часовня и колодец, датированные четвертым веком.

– Хотим, – согласилась Беата, стараясь не думать о том, что сказали бы родители, увидев ее разговаривающей со священником. Она подсознательно ожидала, что сейчас ее поразит громом, хотя каким-то уголком души ощущала абсолютный покой.

– Насколько я понял, вы не католичка. Вам понадобятся уроки катехизиса, и, как я полагаю, вы желаете обратиться в другую веру.

Беата невольно охнула. Как странно слышать эти слова! Она никогда не предполагала, что может иметь другую веру, кроме иудейской! Впрочем, и о свадьбе с католиком она никогда не помышляла. А изучение греческих философов позволило ей быть терпимой к другим религиям. Остается предположить, что со временем благодаря Антуану она свыкнется с новой верой. А пока что ради него перейдет в католицизм.

– Можно было бы определить вас в воскресную школу вместе с местными ребятишками, но последняя группа только что приняла первое причастие, а занятия не начнутся до самого лета. А вы ведь, как я понял, хотели бы пожениться через две недели.

Говоря это, священник посматривал на искалеченную руку жениха и невинное личико невесты. Антуан объяснил, что он француз, а Беата – немка, что его ранило на войне, что здесь у них почти нет родственников, если не считать кузена, на ферме которого они живут. Что Беата только вчера приехала из Германии и они хотят узаконить свои отношения. Именно от священника зависит, когда они соединят свои жизни.

И священник понял их и пообещал сделать все возможное. Молодая пара произвела на него хорошее впечатление, их намерения явно были чисты, иначе вряд ли они остановились бы у церкви.

– Почему бы вам не зайти, и мы обо всем договоримся, – пригласил он.

Антуан и Беата оказались в маленькой, полутемной комнатке с огромным распятием на стене. Здесь горели свечи, а в углу стояла статуя Пресвятой Девы. Священник уселся за обшарпанный письменный столик, а Антуан придвинул два стула. И хотя атмосфера в крохотном помещении казалась мрачной, от улыбки священника сразу становилось легче.

– Не могли бы вы приезжать сюда на часок каждый день? – спросил он, и девушка нерешительно кивнула. Она еще не знала, какой работы от нее потребуют на ферме и будет ли у Антуана время привозить ее в церковь. Если нет, то ей придется проделывать долгий путь пешком. Но она была готова и на это.

– Д-да, – выдавила она, чувствуя себя не в своей тарелке, тем более что не совсем понимала, чего от нее хотят.

– В таком случае, думаю, мы сумеем выучить ту часть катехизиса, которая необходима для вашего обращения. Правда, я предпочитаю идти медленно, шаг за шагом, и не один месяц, чтобы вы поняли каждое слово и были уверены, что готовы креститься. Но в вашем случае придется двигаться быстрее. Я стану учить вас самому необходимому, а остальное вы доучите самостоятельно. Это важный шаг в вашей жизни. Даже важнее брака. Сами увидите, какое это счастье – принять христианство.

– Да… конечно, – прошептала она.

Антуан взглянул на Беату, глаза которой выглядели огромными темными провалами на молочно-белом лице. Никогда еще она не казалась ему такой прекрасной, как сейчас, в этой освещенной желтоватым светом комнатке.

– А если я не почувствую себя готовой… для… для крещения?

Беата едва выговорила последнее слово.

– В таком случае придется подождать. Вы всегда можете отложить венчание, – мягко пояснил священник, – поскольку вам нельзя венчаться, пока вы не перейдете в католическую веру.

Он даже не упомянул о возможности перехода Антуана в иудаизм и о том, что им вполне можно ограничиться регистрацией в мэрии. В глазах священника единственным законным браком было венчание по католическому обряду. И, судя по нескольким оброненным фразам, Антуан тоже так считал. Еще одна громадная жертва, которую ей придется принести. Еще один шаг в неведомое. Но они сами согласились, что переход Антуана в иудаизм вряд ли разумен, тем более что на обучение уйдет уйма времени. Да поблизости и не было раввина, который мог бы его учить, если бы даже Антуан и решился. Но в любом случае это просто не имело смысла. Беата чувствовала, что, если она хочет стать женой Антуана и получить разрешение и благословение церкви, у нее нет иного выхода.

Слушая священника, Беата вдруг осознала, что хочет именно этого. Библия всегда интересовала ее. Она любила читать жизнеописания Христа и святых. Возможно, именно это – ее судьба. К тому же она никогда не ощущала глубокой связи с иудаизмом и сейчас с чистой душой готовилась перейти в католицизм. Жена обязана следовать за мужем. Их любовь с самого начала требовала жертв от обоих. Значит, так тому и быть.

Они еще немного поговорили со священником, и Беата пообещала прийти на следующий день. Святой отец сказал, что подготовит ее к крещению и браку за две недели, сам проводил молодых людей и помахал им на прощание. Антуан без труда вел машину правой рукой, положив неподвижные пальцы левой на руль.

– Так что ты обо всем этом думаешь? – встревоженно спросил он, в глубине души считая, что требует от невесты слишком многого. Он уже готов был удовлетвориться гражданской церемонией, не желая заставлять Беату идти против своей веры. Правда, Антуан понятия не имел, насколько она религиозна и как строго чтит традиции иудаизма. Он знал, что ее родные – ортодоксальные иудеи и именно потому для них было немыслимо выдать дочь за иноверца. Но так ли уж свято верит Беата? И насколько болезненным будет для нее переход в другую веру?

– По-моему, он очень славный человек, и мне будет интересно учиться у него, – вежливо ответила девушка, и Антуан с облегчением заметил, что расстроенной она не кажется. Наоборот, Беата была странно спокойна, словно этот шаг не требовал от нее столь уж больших усилий.

– А как ты относишься к обращению в католицизм? Если не хочешь, тебе не обязательно это делать. Мы просто поженимся в мэрии. Ты и так отказалась от всего ради меня, – негромко проговорил Антуан.

– Но и ты тоже, – возразила Беата, отворачиваясь к окну, и после долгого молчания добавила: – Знаешь, я все-таки предпочла бы венчаться в церкви, особенно если это так много для тебя значит.

Она снова обернулась. В глазах ее светилась легкая улыбка.

– Это невероятно великодушно с твоей стороны, – кивнул Антуан, жалея, что не может бросить руль и обнять ее. – Я тебя люблю. – Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. – А наши дети? В какой вере ты хотела бы их воспитывать?

Будь у них время больше общаться друг с другом, эти вопросы возникли бы уже раньше. Но они были поставлены в жесткие рамки почтовой корреспонденции и попросту не имели возможности обсуждать такие темы.

Беата погрузилась в раздумье и, прежде чем ответить, серьезно взглянула на Антуана, поскольку близко к сердцу приняла все услышанное этим утром. Отныне ей придется принимать важные решения, которым предстоит изменить всю ее жизнь.

– Полагаю, если мне предстоит стать католичкой и мы оба будем придерживаться одной веры, то и дети должны воспитываться католиками, не так ли?

Беате это казалось вполне разумным. В отличие от родителей она не была глубоко религиозна, хотя чтила традиции и посещала синагогу, чтобы угодить отцу и матери. Беата надеялась, она была даже уверена, что, выйдя за Антуана, со временем станет истинной католичкой.

Антуан благодарно кивнул невесте. Наверное, ее родители так яростно противились их браку, еще и опасаясь, что их будущим внукам предстоит стать католиками. И теперь их худшие предположения сбывались.

– Пойми, не годится, чтобы в семье был разлад, чтобы дети и родители исповедовали разные религии, хотя, судя по тому, что я читала, не думаю, что наши веры так уж не похожи.

Антуан не стал возражать, и молодые люди в мире и согласии добрались до фермы и вышли из машины. Антуан обнял Беату за плечи и повел на кухню.

За обедом они рассказали Вальтеру и Марии о поездке в мэрию, встрече со священником и уроках катехизиса, которые собралась брать Беата в последующие две недели. Беата извинилась за то, что ей придется покидать ферму каждый день, но Мария искренне порадовалась новостям. Она тревожилась за молодых с тех самых пор, как Антуан сообщил, что Беата – еврейка.

После ухода мужчин, когда женщины принялись мыть посуду, Мария даже объявила, что только истинно любящий человек способен ради возлюбленного перейти в другую веру.

– Должно быть, все это кажется тебе очень странным, – сочувственно добавила Мария, полная добродушная женщина, не имеющая особого жизненного опыта или широких интересов. В девятнадцать лет она вышла замуж за Вальтера и приехала на ферму, купленную им за два года до того. С тех пор вся ее жизнь превратилась в ежедневный тяжелый труд. Она рожала детей, выполняла свою долю работы, любила мужа, ходила в церковь. И хотя она много читала и была от природы умна, все же вела простое, незамысловатое существование. Как все здесь было не похоже на большой роскошный дом, в котором выросла Беата, на одежду и драгоценности ее матери и Бригитты! Невозможно было представить их в таком окружении!

Беата невольно улыбнулась при мысли о том, насколько различна будет семейная жизнь ее и Бригитты!

Они с Антуаном не собирались оставаться в Швейцарии навсегда и хотели после войны вернуться во Францию или Германию, в зависимости от того, чья семья сдастся первой. Антуан пока не знал, что будет делать, если ему запретят управлять поместьем в Дордони. Но после войны таких неприкаянных душ будет немало. И всем придется начинать новую жизнь в новых местах. Беата искренне считала, что им еще очень повезло.

– Не странным, – спокойно ответила Беата. – Просто другим. Раньше я никогда не разлучалась с родными.

Она ужасно тосковала по матери. И с сестрой они всю жизнь были неразлучны, но, поскольку Бригитта теперь живет в Берлине, все и так изменилось бы. Однако больше всего Беату терзали обстоятельства, при которых ей пришлось уйти из дому. Рана еще не зажила, и Мария втайне опасалась, что исцеление займет не один год. Оставалось надеяться, что их семьи рано или поздно одумаются и простят детей. Марии нравились молодые люди, которым наверняка придется нелегко, если родные так и не смирятся с их выбором. А пока что Мария и Вальтер были просто счастливы заменить им родителей. Для Цуберов появление в их доме влюбленной пары казалось благословением Божьим.

– Вы с Антуаном предполагаете сразу же завести детей? – поинтересовалась Мария.

Беата вспыхнула, не зная, что ей ответить. Разве у нее есть выбор? Она всегда считала, что следствием супружеских отношений неизменно являются дети, но даже если возможно этого избежать или изменить ход событий, то подобные способы ей не были известны. Расспрашивать же об этом Марию Беата стеснялась.

– Наверное, – тихо ответила она и, смущенно потупившись, принялась расставлять посуду в буфете. – Как Господу будет угодно.

А Бригитта? Она тоже захочет иметь детей? Совершенно невозможно было представить Бригитту матерью. В свои восемнадцать она сама еще совсем ребенок. Да и Беата в двадцать один вряд ли была готова к ответственности, которую несли с собой замужество и материнство, а уж три года назад она ни за что бы не решилась приехать сюда. И все же, несмотря на нелегкое начало, сейчас Беата чувствовала, что готова ко всему.

– Как будет чудесно снова услышать детские шаги в этом доме! – мечтательно заметила Мария, разливая по чашкам чай. Своих внуков она почти не видела: слишком далеко они жили, а оставлять ферму было никак нельзя. При мысли о том, что когда-нибудь у Антуана и Беаты появится ребенок, на сердце у Марии становилось теплее. Если все будет хорошо и молодые все еще будут жить на ферме, может, и ей доведется понянчиться с малышом.

Но Беате подобные рассуждения казались чем-то нереальным. Сейчас для нее самым важным было вовремя усвоить катехизис и поскорее обвенчаться с Антуаном. Больше она ни о чем не могла думать. Ничего не могла загадывать. Беата была уверена только в одном: в своей безмерной любви к Антуану. Она не жалела о том, что сделала и от чего отказалась ради него. И Мария с Вальтером безмерно уважали ее за преданность Антуану. Такая красивая и такая решительная молодая женщина! И такая любящая!

Мария чувствовала, что с каждым днем они с Беатой становятся все ближе друг другу. Цуберы всегда хорошо относились к Антуану, хотя за последние годы не часто его видели. И когда он попросил разрешения пожить у них, не колебались ни минуты. Жаль только, что молодые люди не смогут остаться здесь навсегда. Рано или поздно война закончится, и швейцарское правительство потребует их отъезда. В Швейцарию можно было приехать в поисках убежища, но, когда Германия и Франция заключат мир, беженцам придется вернуться в свои страны. Правда, учитывая, что творится в мире после двух лет войны, это вряд ли случится скоро. Зато здесь, затерянные в горах, они могут чувствовать себя в полной безопасности.

Беата находила занятия с отцом Андре невероятно увлекательными и напоминавшими ей о тех годах, когда она самостоятельно читала Библию. Конечно, все, что он говорил, имело отношение к католической религии. Он рассказывал об остановках Христа на крестном пути, Пресвятой Деве, Троице, различных обрядах, учил ее чтению молитв с использованием четок, объяснил важность святых таинств и причастия. Беата постоянно задавала ему вопросы, чем еще больше убеждала священника, что вдумчиво относится к занятиям. Кроме того, ее не смущали теории и идеи христианства. Как-то она даже объяснила, что в их религиях есть немало сходных моментов. Отец Андре понимал, что перед ним прекрасная

молодая женщина, обладающая глубокими знаниями религии и философии, а также любящим и добрым сердцем. За две недели он очень привязался к ней и по достоинству оценил ее способности и рвение. Мало того, каждый день Беата приносила ему с фермы что-нибудь вкусное вместе с приветом от Цуберов. А как-то она даже рассмешила отца Андре рассказом о том, как училась доить корову. Сама Беата смеялась еще громче, представив за подобным занятием Бригитту. Да сестрица просто хлопнулась бы в обморок!

Единственное, что бесконечно мучило Беату, – мысли о родных. Особенно ей не хватало матери. Да и по отцу, несмотря на его жестокость и неумолимость, она скучала. И постоянно волновалась за братьев. Пусть она изгнана отцом и живет сейчас так далеко от родных, Беата все равно любила их по-прежнему. Она даже не сердилась на них. Только скучала. И часто рассказывала о своей семье отцу Андре, потрясенному ее состраданием и всепрощением. Она, казалось, совсем не таила зла на тех, кто заставил ее покинуть родину.

Как-то священник бесконечно тронул Беату, заявив, что, если бы она не родилась в иной вере и не собиралась замуж, из нее вышла бы прекрасная монахиня. Однако Антуан, услышав это, отнесся к словам отца Андре совсем иначе, чем Беата.

– Господи, надеюсь, он не собирается привести новую овечку в стадо невест Христовых! О нет! У меня на тебя другие планы! – возмутился он.

– У меня тоже. Но с его стороны было так мило сказать это! – польщенно заявила Беата, и Мария целиком с ней согласилась.

– Не желаю я слушать ничего подобного, – неодобрительно буркнул Антуан, все еще явно нервничавший. – Что за бред! Я всегда считал подобную участь крайне печальной. Люди должны иметь семьи и детей.

– Не все. Некоторые просто не предназначены для семейной жизни, – справедливо возразила Беата.

– Зато я очень рад, что ты станешь моей женой, – засмеялся Антуан, перегибаясь через обеденный стол, чтобы поцеловать невесту, чем вызвал улыбку на лице Марии. Антуан усердно трудился на ферме, помогая Вальтеру. Каждый вечер Беата перевязывала его руку. Она заметила, что рана постепенно затягивается, хотя кисть по-прежнему плохо слушалась. Ничего, время все лечит. Даже с одной рукой Антуан прекрасно управлялся. А красивее человека для Беаты не было на всем белом свете.

Она застенчиво улыбнулась, когда он поцеловал ее. Девушку по-прежнему смущали разговоры о детях, напоминавшие о новых открытиях, которые ей предстоят.

В утро крещения Беаты по пути в церковь Мария, Антуан и Беата заехали в мэрию. Хмурый чиновник провел короткую церемонию гражданского бракосочетания, ставшую прелюдией к завтрашнему церковному венчанию. Для Беаты было очень важно сознавать, что в глазах закона она уже жена Антуана, а завтра станет ею и в глазах церкви. Мария и Антуан присутствовали при крещении Беаты; Вальтер не смог прийти, потому что на ферме было слишком много работы. Таинство заняло совсем немного времени. Беата поклялась в верности Богу и католической церкви. Мария стала крестной матерью Беаты и дала обещание помогать крестнице быть стойкой в вере и всячески противостоять козням дьявола.

После крещения Беата впервые приняла причастие. Она заплакала, когда отец Антуан положил ей в рот облатку. Слишком много значило для нее все происходящее. Это было иначе, чем то, что она испытала в иудаизме. Беата всегда находила до ужаса скучным время, проведенное в синагоге. Приходилось часами высиживать на одном месте, ее раздражало, что мужчины должны были находиться отдельно от женщин. Кроме того, ей казалось несправедливым, что женщин-раввинов не бывает, но когда она попыталась поговорить об этом с отцом, тот ужасно рассердился и сказал, что так уж устроен свет. Правда, Беата была разочарована, узнав, что женщин-священников тоже не бывает. Но у христиан по крайней мере были монахини!

Бригитта тоже считала законы ортодоксальной иудейской церкви слишком суровыми и по секрету шепнула сестре, что после свадьбы не будет строго придерживаться кошерной еды, поскольку Генрих и его семья давно распростились с этими дурацкими обычаями. Правда, родителям она не посмела признаться в таком кощунстве. Бригитта вообще всегда критиковала правила и принципы иудаизма. Беата не была столь категоричной, хотя тоже далеко не со всем соглашалась. Но к собственному удивлению, ей вдруг понравилась идея стать католичкой. Это еще больше сближало ее с Антуаном. Теперь они будут делить все, даже веру.

Беата нашла, что поверить в чудеса – такие, как непорочное зачатие и рождение Иисуса, – очень легко, и сейчас, выходя из церкви, чувствовала себя обновленной. Сияющая девушка улыбалась Антуану. Сегодняшний день был одним из самых необыкновенных в ее жизни – гражданская брачная церемония и крещение. Разве этого не достаточно, чтобы сделать счастливым любого человека?

– Мне все же жаль, что вы не захотели стать монахиней, – мягко пошутил отец Андре. – Еще немного времени и занятий, и вы бы поняли свое истинное призвание.

Растерявшийся Антуан в панике обнял невесту.

– Хорошо, что у вас было только две недели, – буркнул он. Мысль о том, что невеста уйдет в монастырь, после того как он столько боролся, чтобы завоевать ее, наполняла его ужасом. И хотя священник желал им только добра, Антуану страшно было подумать, что он может потерять Беату!

Они вышли из церкви, договорившись, что приедут венчаться завтра. Их бумаги были в порядке, и гражданская церемония давала им полное право на церковную.

После праздничного ужина, устроенного в честь новой католички, Беата ушла спать пораньше. Последнюю ночь она проводит в постели одна. С завтрашнего дня они будут спать вместе. А сегодня у нее еще есть работа, которую надо закончить. Ее тайный труд.

Из Германии Беата не привезла ничего, что могло бы сойти за подвенечное платье. Весь гардероб был практичным и подходящим для работы на ферме. Но Мария дала ей две чудесные кружевные скатерти, которые были подарены еще бабкой и успели порваться во многих местах. Однако Беата сказала, что это совершенно не важно. И в короткие минуты свободного времени, остававшиеся после изучения катехизиса, доения коров и стряпни, она уходила в свою комнату, где лихорадочно работала иглой. Платье, сшитое из скатертей, было почти готово. Ей удалось раскроить его, обойдя многочисленные дыры. Тонкое кружево красиво драпировало плечи и руки, а из остатков она смастерила крохотную шапочку с вуалью. Беата была так миниатюрна, что платье получилось даже с небольшим шлейфом. Она заложила лиф узенькими складками, доходившими до немыслимо тонкой талии. Юбка расширялась небольшим колоколом и была отделана аппликациями из того же кружева. Получился настоящий шедевр, но пока никто его не видел. Даже Мария, с нетерпением ожидавшая, чем порадует ее Беата. Ей казалось, что платье будет скромным и не слишком удачно сшитым: в конце концов, чего можно ждать от неопытной портнихи, в распоряжении которой всего лишь две рваные скатерти?

Мария и понятия не имела, на что способна Беата, у которой был настоящий талант модельера.

Антуан должен был прийти в церковь за час до бракосочетания, чтобы согласно обычаю встретиться с невестой в последнюю минуту. Беата хотела предстать перед ним во всем блеске. Сам Антуан ничего не знал о великом замысле и считал, что Беату просто изматывает утомительная работа на ферме. Даже Мария не догадывалась, что девушка частенько засиживается до рассвета, чтобы закончить платье к свадьбе. Этот наряд был самим совершенством, достойным парижской коллекции, и, будь он сшит из шелка или атласа, а не из тонкого полотна и старого кружева, любая невеста из высшего общества сочла бы за честь

его надеть. И даже сейчас платье казалось на редкость изысканным. К тому же оно идеально подходило для простой церкви в горах.

При виде девушки Мария тихо ахнула.

– О боже, девочка… где ты взяла это платье? Разве Антуан возил тебя в Лозанну?

– Конечно, нет, – засмеялась Беата, довольная произведенным эффектом.

Мария неожиданно всхлипнула и разразилась слезами. Беата растерянно объяснила:

– Я сшила его из тех скатертей, что вы дали. Целых две недели работала не покладая рук.

– Не может быть! Да я бы и за два года не смогла сделать ничего подобного.

Мария в жизни не видела такой красоты. В этом платье Беата казалась сказочной принцессой. Самой красивой невестой на свете.

– Где ты научилась так шить?

– Для меня это что-то вроде забавы. Я делала разные вещички для матери и сестры, а себе всегда предпочитала шить, придумывая фасоны, а не покупать платья.

– Но лучше этого просто ничего не может быть!

Мария заставила Беату покружиться, восхищаясь вуалью и шлейфом. Настоящая картинка!

– Погоди, что еще скажет Антуан, когда тебя увидит. Да он просто в обморок упадет, прямо у алтаря!

– Надеюсь, что нет, – нахмурилась Беата, взволнованная такой перспективой. Даже Вальтер, увидев ее, поразился и помог Марии тщательно расправить юбку и вуаль невесты на заднем сиденье машины. Они с Марией сидели впереди, а Беата чувствовала себя немного виноватой за то, что заставила Антуана идти в церковь пешком. Но ничего не поделаешь, нельзя же было допустить, чтобы он увидел платье!

До его ухода Беата пряталась в соседней комнате, так что все традиции были соблюдены. Ей до сих пор не верилось, что сегодня день ее свадьбы. Одеваясь, Беата заплакала. Разве думала она когда-нибудь, что в такой день Моники не будет рядом, а отец не подведет ее к жениху?

Вальтер и Мария отыскали для молодых и кольца, совсем простые и сильно потертые. Одно принадлежало отцу Вальтера. Оно до сих пор хранилось в шкатулке, а сейчас лежало в кармане Вальтера вместе с кольцом прабабки Марии – узкой золотой ленточкой с крошечными алмазиками. Оно было таким маленьким, что не лезло на палец ни одной женщине в их семье, зато идеально подошло Беате. По внутреннему ободку шли выгравированные слова: *Mon coeur a to*i – «Тебе мое сердце». Кольцо истончилось от времени, но Беата с благодарностью приняла его.

Вальтер и Мария проявили неслыханное великодушие, решив провести эту ночь у друзей, чтобы предоставить дом в полное распоряжение новобрачных. Вальтер поставил охлаждаться во льду бутылку шампанского, которое хранил многие годы, еще со времени свадьбы сына. Марта приготовила свадебный пир: она старалась чем могла выказать свои любовь и нежность. Ей хотелось, чтобы у молодых людей сегодня был настоящий праздник: разве так прошла бы их свадьба, будь обе семьи хоть чуточку справедливее?

Но новобрачные знали, что, хотя они многое потеряли, все же приобрели еще больше, потому что отныне навеки будут вместе. Для Антуана и Беаты этого было вполне достаточно, хотя для обоих оказалось очень трудно в такой день не думать о тех, кого они оставили дома.

Местные жители как раз покидали церковь после службы, когда туда прибыли Цуберы и Беата. Антуан, как и просила Беата, ждал их в доме священника. Прихожане громко восхищались изумительным платьем и прелестной невестой, казавшейся неземным созданием, – с темными локонами, прикрытыми кружевной шапочкой, белоснежной кожей и огромными голубыми глазами. Даже старожилы не могли припомнить такой красоты. Отец Андре вос-

хищенно покачал головой и во всеуслышание признал, что невеста из Беаты куда лучше, чем монахиня, и что он никогда не видел столь прекрасной новобрачной.

Лукаво щурясь, он пригласил Антуана в церковь, обещая ему необыкновенный сюрприз. Антуан так и не смог догадаться, что он имеет в виду, пока органист не заиграл выбранную вместе с Беатой мелодию и в дверь под руку с Вальтером не вошла невеста. Она двигалась с грацией юной королевы, почти не касаясь земли ногами, обутыми в единственные привезенные с собой вечерние туфельки из атласа цвета слоновой кости, украшенные пряжками со стразами. Конечно, Антуан не был готов увидеть Беату в подвенечном платье. Он все гадал, что она наденет, а узрев изысканный наряд, решил, что Беата захватила его с собой из Кельна. Похоже, его сшили в Париже еще до войны.

Но он едва успел рассмотреть платье: все его внимание было приковано к Беате. Молодые люди не отрываясь смотрели в глаза друг друга, не замечая, что оба плачут. Кружево, служившее вуалью, было достаточно тонким, и Мария, приподняв его, увидела, что лицо невесты мокро от слез. Только на этот раз это были слезы счастья. Никто из собравшихся в церкви никогда прежде не присутствовал на столь трогательном событии.

Беата снова всхлипнула, когда они обменивались обетами. Руки ее задрожали, когда Антуан надел кольцо ей на палец. Сама она, в свою очередь, осторожно, чтобы не сделать больно, надела кольцо жениху. И вот наконец священник объявил молодых мужем и женой.

Антуан привлек к себе Беату, поцеловал, и она едва не задохнулась от счастья. Он с трудом заставил себя разжать руки, и новобрачные вышли из церкви на летнее солнышко. Кое-кто из прихожан остался после мессы, чтобы еще раз посмотреть на прелестную невесту. Никто из видевших ее в тот день никогда не забудет, как она выглядела.

Молодожены вместе с Цуберами и священником отправились на ферму обедать, а потом хозяева по пути к друзьям отвезли отца Андре обратно в церковь. Беата и Антуан долго махали им вслед с крыльца. Оставшись одни, они радостно вздохнули. Им не часто выпадал такой шанс: в тесном домике было слишком мало места. Но теперь по ночам они смогут делить одну спальню. А на сегодня весь дом в их распоряжении. Пожилая пара сделала им поистине драгоценный подарок. Эта единственная ночь в маленьком, затерянном в Альпах домике – вот и весь медовый месяц, который судьба отпустила им. Но они были довольны и этим. Все, что им нужно от жизни, – это быть вместе. Они оба знали, что никогда не забудут магии этого дня.

Антуан завороженно смотрел на невесту. Беата еще не сняла подвенечного платья и жалела, что не может остаться в нем навсегда. Она проделала гигантскую работу для того только, чтобы покрасоваться в нем несколько часов. И хотя так бывает на любой свадьбе, лишь очень немногие невесты способны создать подобный шедевр.

Не переставая восхищаться ее грациозной фигуркой в безупречно сидящем наряде, Антуан последовал за Беатой в дом.

Некоторое время они тихонько беседовали в гостиной, а потом Антуан разлил по бокалам шампанское. В последний раз Беата выпила немного шипучего напитка на свадьбе сестры, и сейчас у нее закружилась голова после первого же глотка. Трудно поверить, как изменилась ее жизнь всего за несколько недель! Еще совсем недавно она просто не поверила бы, что будет жить на швейцарской ферме и выйдет замуж за человека иной веры. Мечта обоих сбылась, хотя им пришлось пройти сквозь кошмар боли и непонимания, чтобы достичь своей цели. Но раны, нанесенные Беате, казалось, начинали потихоньку заживать. Впереди новая жизнь. Жизнь, которую она разделит с Антуаном.

Когда солнце стало садиться, Беата предложила подать приготовленный Марией ужин. Они продолжали разговаривать, держась за руки и не спеша в постель. Антуан не хотел торопить Беату, сознавая, какой это огромный для нее шаг. Он желал бы, чтобы в эту ночь она

не испытывала ни боли, ни страха. У них впереди еще много времени, и они не торопились познать друг друга. Правда, и есть они не могли, так что ужин остался нетронутым.

Шампанское мало-помалу возымело свое действие. Они снова поцеловались, и неожиданная страсть овладела ими. Охваченные желанием, они не могли больше сдерживаться. Этого момента оба ждали одиннадцать месяцев. Сегодня первое июля. А встретились они в августе прошлого года! Казалось, с того столкновения на озере прошла целая жизнь! И вот теперь они муж и жена. Все, о чем они мечтали с того первого момента, стало реальностью.

Не обращая внимания на боль в искалеченной руке, Антуан сумел подхватить Беату и отнести в спальню, расположенную рядом с комнатой Вальтера и Марии. Осторожно положил ее на постель и стал медленно раздевать. Он опасался, что Беата чересчур застенчива, чтобы позволить ему увидеть ее обнаженной, но она, похоже, не испытывала перед ним ни стыда, ни страха, и уже через несколько минут платье висело на спинке единственного стула, а Антуан неумело снимал тонкое белье из атласа и кружев, сшитое Беатой несколько месяцев назад и привезенное с собой.

Взглянув на обнаженную девушку, Антуан задохнулся. Настоящая фарфоровая куколка!

Он стал целовать ее, но Беата, чуть отстранив Антуана, принялась дрожащими пальцами раздевать его. Она плохо сознавала, что делает и чего ожидает от него. У нее было весьма смутное представление о том, что происходит между мужчиной и женщиной, да и эти скудные сведения были почерпнуты от Бригитты, при этом Беата была куда менее сведущей, чем младшая сестра, которая значительно больше интересовалась тем, что происходит или должно происходить между представителями противоположных полов. На стороне же Беаты были только невинность и любовь к Антуану, но, когда он овладел ею, она нашла в его ласках страсть и блаженство, о которых и не мечтала. Он был нежным и любящим с ней, и после они долго лежали обнявшись и Антуан осторожно обводил кончиком пальца ее совершенные формы. Они опять разговаривали, потом снова любили друг друга, и на этот раз все было еще лучше.

В полночь, безумно проголодавшись, они съели все, что приготовила им Мария. Антуан уверял, что никогда еще не был так голоден, и Беата, поправляя халатик, свадебный подарок Марии, счастливо смеялась. Они сидели в кухне Цуберов в халатах, надетых на голое тело, и Антуан, жадно целуя жену, спустил мешковатое одеяние с ее плеч и в который раз восхитился хрупкой красотой. Оба не могли поверить своему счастью. И за всю брачную ночь они не испытали и тени разочарования.

Обгладывая цыплячью косточку, Беата вопросительно взглянула на мужа:

– Как по-твоему, сегодня мы зачали ребенка? Полагаю, это делается именно так, если только нет какого-то особенного способа, которого ты мне не показал.

Она неожиданно почувствовала себя очень взрослой после всех обнаруженных ею тайн, и Антуан улыбнулся в ответ.

– Все возможно. А ты хочешь этого, Беата? Не слишком ли рано?

– А если мы решим, что рано, тогда как? – полюбопытствовала она.

– Если желаешь подождать, действительно есть способы, которыми мы можем воспользоваться, начиная с сегодняшней ночи, чтобы не допустить слишком быстрого течения событий.

Если Беата не хочет сразу забеременеть, он готов подождать, чтобы ей угодить. Больше всего на свете Антуан желал ей счастья. Все, что угодно, лишь бы Беата была довольна.

– Я не хочу ждать, – с нежностью проговорила Беата, потянувшись к Антуану, чтобы поцеловать его. – Я мечтаю иметь от тебя ребенка.

– В таком случае посмотрим, что можно сделать для этого.

Они уже приложили немало усилий в этом направлении и сейчас, вымыв и убрав посуду, выпили шампанского из почти опустевшей бутылки, а затем Антуан снова унес ее в постель и стал ласкать. Для обоих это была идеальная брачная ночь. И когда над Альпами взошло солнце, Беата по-детски вздохнула и уснула в объятиях Антуана, твердо зная, что любит его еще больше, чем несколько часов назад.

Глава 5

День свадьбы Антуана и Беаты остался волшебным воспоминанием не только для них, но и для всех, кто стал свидетелем столь радостного события. Ее подвенечное платье стало предметом обсуждения в деревне на несколько последующих месяцев. Мария помогла Беате завернуть его в тонкую бумагу и уложить в коробку. Беата даже засушила несколько цветков из свадебного букета и спрятала в ту же коробку. После долгих раздумий она все же решилась написать матери и сестре. Бригитта сейчас уже наверняка уехала в Берлин, и Беате очень хотелось описать ей свою чудесную свадьбу и высказать сестре, как сильно она ее любит. Кроме того, она просто должна была сообщить матери, что жива, здорова, очень переживает, что покинула дом при таких ужасных обстоятельствах, но по-прежнему думает о ней и очень скучает.

Ровно через две недели оба письма Беаты вернулись нераспечатанными. На конверте, адресованном Бригитте, стоял черный штамп: «адресат неизвестен». Очевидно, Бригитта, даже живя своей семьей, опасалась выступить против воли отца. Зато на письме матери аккуратным почерком отца была выведена просьба вернуть отправителю. Это означало, что они не желают иметь с ней никаких контактов.

Два дня Беата молча давилась слезами, прежде чем признаться во всем Антуану.

– Рана еще слишком свежа, – спокойно объяснил он. – Дай им время. Через несколько месяцев попробуешь написать снова. К тому времени все утихнет.

Сам Антуан был уверен, что все образуется. Своим родителям он не писал: слишком обозлила его занятая ими позиция. И у него не было ни малейшего желания общаться с братом. Но он был старше Беаты и куда самостоятельнее.

– Ты не знаешь моего отца, – жалобно всхлипнула Беата. – Он никогда меня не простит. На прощание он сказал, что вместе с мамой будет сидеть шиву по мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.